

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Семейно-брачные отношения в Англии к середине XVIII века	7
1.1 Понятие семейно-брачных отношений.....	7
1.2. Предпосылки изменения законодательства к середине XVIII века..	15
Глава 2. Брак в Англии в середине XVIII - начале XIX вв.....	24
2.1 Английское гражданское законодательство о браке в середине XVIII - конце XIX вв.....	24
2.2 Расторжение брака в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.....	38
Глава 3. Семья в английском обществе в середине XVIII - конце XIX вв.....	48
3.1 Особенности супружеских и детско-родительских отношений в английской семье середины XVIII - конца XIX вв.....	48
3.2 Положение женщины в браке в Англии с середины XVIII до конца XIX вв.....	68
Заключение.....	86
Библиографический список источников и литературы	88

Введение

Актуальность. Брак является одним из древнейших социальных институтов. Он прошел сложнейший путь развития от родоплеменных форм общежития через формы «большой семьи» до современной формы нуклеарной семьи. На брак оказывает влияние сложное хитросплетение факторов социального и природного, общественного и индивидуального, общего и единичного характера. Современное состояние брака и семьи не внушает особого оптимизма. Альтернативные формы брака (сожитительство) разрушают социальные нормы и нормативные принципы современного общества. Современное российское государство предпринимает шаги по укреплению брачно-семейных отношений, улучшению демографической ситуации. Определенные параллели можно обнаружить с Англией конца XVIII века, когда, лишившись американских колоний, она вступила в период изменений социально-экономической и духовной жизни. Обращение к семье и нравственным ценностям, на которых она основывалась, стали стабилизирующими факторами, которые помогли английскому обществу ответить на вызовы времени. Именно поэтому исследование эволюции брачно-семейных отношений в Англии с середины XVIII до конца XIX вв. становится актуальным в наши дни.

Степень изученности.

При исследовании поставленной проблемы были использованы многообразные по характеру материалы - от статистических и правовых данных в их динамическом развитии до весьма разнородных сведений из традиционного бытоописания и фольклористики. К сожалению, мы столкнулись со следующей проблемой - отсутствие специализированной тематической научной литературы. До середины XX века обнаруживаются отдельные работы, посвященные в основном бытописанию английской жизни и вскользь затрагивающие проблему брачно-семейных отношений в Англии

середины XVIII - конца XIX вв.¹, Некоторый интерес возникает в 70-80 гг. XX в., что проявляется в появлении таких работ, как «Семья, секс и брак в Англии 1500-1800 гг.» Л. Стоуна.»², которая хотя и построена в основном на анализе правовых вопросов и доведена автором лишь до конца XVIII столетия, посвящена частично формам заключения брака у англичан. В это время публикуется довольно много работ, посвященных правовой стороне брачных отношений в Англии середины XVIII - конца XIX вв.³ В это же время появляются отечественные исследования.⁴ Далее в 90-х гг. XX в. и начале XXI в. интерес исследователей как зарубежных, так и отечественных к данной проблематике возрастал.⁵

Тем не менее до сих пор все еще нет единого исследования, рассматривающего семейные и брачные отношения в целом, в котором представлена роль в семье как мужчины, так и женщины, влияния родителей на детей, а также анализирующего эволюцию брачного права и семьи. В современной российской науке малоизучен вопрос брака и семейных отношений в совокупности с происходившими социальными процессами и законодательные инициативы, способствовавшие возникновению данных

¹ George M. D. *London Life in the Eighteenth Century*. L., 1925; Haller W., Haller M. *The Puritan Art of Love // The Huntington library quarterly: A journal for the history and interpretation of English and America history*. San Marino (Calif.), 1941-1942. Vol. 5; Alleman G. E. *Matrimonial Law and the Materials of Restoration Comedy*. Wallingford, 1942; Banks J. A. *Prosperity and Parenthood*. L., 1954.

² Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1977.

³ Schücking L. L. *The Puritan Family, a Social Study from the Literary Sources*. NY, 1970; Helmholz R. H. *Marriage Litigation in Medieval England*. Cambridge (Mass.), 1974; Brown R.L. *The Rise and Fall of the Fleet Marriages // Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage*. N.Y., 1982; Francis C. W. *The Structure of Juridicial Administration and the Development of Contract Law in Seventeenth Century England // Columbia Law Review*. -1983. - Vol . 83, no. 1; Shanley M.L. *Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England. 1850-1895*. Princeton, 1989; Vickery A. *The Gentleman's Daughter. Women's Lives in Georgian England*. New Haven, L., 1998 и др.

⁴ Хазова О.А. *Брак и развод в английском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1982

⁵ Shanley M.L. *Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England. 1850-1895*. Princeton, 1989; Шервуд Е.А. *Англичане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы*. М.: Наука, 1990; Murray M. *Primogeniture, Patrilineage, and the Displacement of Women // Women, Property and the Letters of the Law in Early Modern England*. Toronto, Buffalo, L., 2004; Садыхова Л.Г. *Маски женственности в английской культуре // XVIII век: женское/мужское в культуре эпохи*. / Под редакцией Н. Т. Пахсарьян. М.: Экон-Информ, 2008. — 536 с.; Туманов А.Г. *Повседневная жизнь викторианской Англии в оценке Российских современников // Ученые записки Казанского государственного университета*. Казань, 2010. Кн. 3, ч. 1. - С. 186-193.; Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI - начала XVII вв. // *Адам и Ева. Альманах тендерной истории*. № 12. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. — 332 с.

процессов, что позволяет нам сделать вывод о том, что степень дискуссионности данной темы достаточно высока. Степень изученности данного вопроса, как нами уже отмечалось, можно охарактеризовать лишь отдельными попытками авторов научных работ проанализировать отдельно институт семьи, брака, законодательство и литературу, без попытки провести анализ в совокупности всех процессов и их влияния на культуру и литературные тенденции в Англии середине XVIII – конце XIX вв.

Целью данного исследования является выявление эволюции семейно-брачных отношений в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1. Определить состояние семейно-брачных отношений в Англии в середине XVIII в.
2. Выявить факторы, влияющие на эволюцию брачно-семейных отношений в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.
3. Выявить основные изменения брачно-семейных отношений в Англии в середине XVIII – конце XIX вв. и оценить их последствия.

Объектом исследования являются брачно-семейные отношения.

Предметом исследования выступает эволюция брачно-семейных отношений в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.

Хронологические рамки исследования разделены на узкие и широкие. Узкие временные рамки ограничены периодом времени с 1753 г., когда был принят акт лорда Хардвика о браке, который можно считать поворотным в английском семейном праве, по 1882 г., в котором специальным актом замужние женщины получили право распоряжаться своей собственностью в общественном обороте. Широкие рамки охватывают исторические предпосылки принятия акта лорда Хардвика о браке.

Источники. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач были определены привлекаемые источники. В

соответствии с жанром все источники, использованные в исследовании, можно разделить на три группы.

К первой группе источников относятся нормативно-правовые акты, принятые в Англии в середине XVIII – конце XIX вв., касающиеся брачно-семейных отношений. Эта группа источников послужила основой для определения правовой основы брачно-семейных отношений¹.

Вторую группу источников составляют описания брачно-семейных отношений в Англии в середине XVIII – конце XIX вв. в восприятии английских авторов того времени. Брачно-семейные отношения изучаемой эпохи почти детально рассматриваются в произведениях Дж. Остин², Ш. Бронте³, О. Голдсмита⁴, Ч. Диккенса⁵ и др.

К третьей группе источников относятся наблюдения европейских (в том числе российских) современников за брачно-семейными отношениями в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.⁶

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке уроков истории в системе среднего и среднего профессионального образования, а также при подготовке элективных курсов.

Структура работы: Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы и источников.

¹ An Act for the better preventing of Clandestine Marriages. [1753]: [Электронный ресурс]: <http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~framland/acts/1753.htm>; An Act for granting to his Majesty a Stamp-duty on the Registry of Burials, Marriages, Births, and Christenings. [1783]: [Электронный ресурс]: <http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~framland/acts/stampduty1783.htm>; Montagu M.W. The complete letters of Lady Mary Wortley Montagu. Vol. 1.1965; Имущественные права замужних женщин в Англии по закону 1870 года. Юридический вестник. Ноябрь. Издание Московского юридического общества. Кн. 8. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1871. С. 39-46, и др.

² Остин Дж. Гордость и предубеждение [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>; Остин Дж. Нортенгерское аббатство [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>; Остин Дж. Чувство и чувствительность [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>; Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии/ Дж. Остин. – М.: АСТ, 2010. – 221 с.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр [Электронный ресурс]. - <http://lib.ru/INOOLD/BRONTE/janeair.txt>

⁴ Голдсмит О. Векфильдский священник // Т. Смоллет. Путешествие Хамфри Клинкера. О. Голдсмит. Векфильдский священник. - М., 1972. - 256 с.

⁵ Диккенс Ч. Большие надежды/ Ч. Диккенс. - СПб.: Азбука, 2011. - 544 с.

⁶ Водовозова Е. Н. Жизнь европейских народов/ Е.Н. Водовозова.- СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. - 522 с.; Boswell J. The Journals of James Boswell 1762 - 1795. New Heaven, L., 1991 и др.

Глава 1. Семейно-брачные отношения в Англии к середине XVIII века

1.1 Понятие семейно-брачных отношений

Понятие «семья» часто отождествляется с понятием «брак». На самом деле эти понятия не являются синонимами. Брак - это исторически сложившиеся разнообразные механизмы социального регулирования (табу, обычай, религия, право, мораль) сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, направленного на поддержание непрерывности жизни. Цель брака заключается в создании семьи и рождении детей, поэтому брак устанавливает супружеские и родительские права и обязанности. Следует иметь в виду, что брак и семья возникли в разные исторические периоды, и семья представляет собой более сложную систему отношений, чем брак, поскольку она, как правило, объединяет не только супругов, но и их детей, других родственников или просто близких супругам людей.

Несмотря на то, что семья - это общее понятие для людей всех культур, семьи каждого народа имеют свои отличительные ментальные черты, правила поведения, традиции. Бесспорный интерес представляет традиционная английская семья со своими, присущими только ей, специфическими чертами и особенностями, которые сложились под воздействием национальных обычаев, традиций, моральных норм. Они базируются на таких ментальных особенностях этой нации, как неприкосновенность частной жизни, возвеличивание домашнего очага, культ частной собственности. Англичанам присущи сдержанность в отношениях, вежливость, самообладание, способность чувствовать одно, а выражать на своем лице другое, порядочность, а также рационализм и практичность. Представители этой нации обладают уравновешенным и уживчивым характером. В повседневном быту они умело избегают болезненных столкновений, приноравливаются и приспособляются друг к другу, проявляя взаимную предупредительность,

сдержанность и терпимость. Англичане способны сохранять самообладание в споре, оставаться объективными и к себе, и к другим, признавая, что, поскольку любая истина имеет много сторон, о ней может быть много различных суждений. Они не только предпочитают недомолвку преувеличению, но и неприязненно относятся к любому открытому выражению чувств, будь то любовь или ненависть, восторг или гнев.

В современном мире семья воспринимается как союз людей, связанных кровно-брачными отношениями. При этом не играет роли место их проживания, иными словами, совершенно неважно, живет ли брат в одном доме с сестрой, а мать с дочерью - они считают себя семьей, даже если живут в разных концах страны.

Вторым, можно назвать представление о семье как о доме, домашнем хозяйстве. Недаром такой источник, как «Словарь английского языка» доктора Джонсона, на первое место в определении семьи ставит именно домашнее хозяйство. Последнее он прямо определяет, как «семью, живущую вместе». Вряд ли можно думать, что в XIX веке в одном доме жили только близкие кровные родственники или лица, связанные брачными обязательствами. Довольно очевидно, что под одной крышей сосуществовали господская семья, слуги, возможно, тетки, двоюродные племянники и прочая дальняя родня.

Если главу семейства воспринимать не только как отца и мужа, но и как главу домашнего хозяйства, то понятно, что он должен воспринимать слуг и прочих, проживающих в его доме, как людей, за которых он несет ответственность. Поэтому он считает своих домочадцев семьей.

Иногда слуги входили в семейный круг, а близкие родственники, вопреки современным представлениям, оказывались исключенными из него. Слуга пользуется правами и имеет обязанности, подозрительно напоминающие права и обязанности жен и детей. Например, хозяин должен был отвечать за

ущерб, нанесенный слугой, поскольку предполагалось, что последний действовал с его ведома.

В письмах Джейн Остин можно найти косвенное подтверждение того, что слуг считали членами семьи. Джейн пишет сестре Кассандре: «Томас женился в субботу, свадьба прошла в Нитхэме, и это все, что я знаю об этом... Я не забыла плату, которую Генри должен был Томасу»¹.

Обращение по имени служило признаком вхождения в семью или особенно крепкой дружбы. В данном случае, речь идет о Генри Остине и Томасе, его слуге. И брата, и слугу Джейн называет по имени, что говорит о схожести их положения как членов семьи.

В романе «Гордость и предубеждение» героиня восклицает: «Какая похвала может быть ценнее хвалебного отзыва умного слуги?»². Именно разговор со служанкой убеждает Элизабет Беннет в том, что ее отношение к мистеру Дарси было несправедливо; уверения друзей, равных ему по положению, не смогли достичь той же цели.

Только в XIX веке под влиянием буржуазных представлений слуги практически были исключены из семейного круга. Слуг теперь держали на кухне, выпуская к гостям в особых случаях, да и общение с хозяевами было сведено к минимуму.

Третий вариант восприятия семьи представляет собой понимание семьи как рода, под которым подразумевается наличие долгой истории и большого количества предков, которые должны обладать благородным происхождением.

Понимание семьи в таком ключе присутствует у Джонсона. В определении семьи на первое место, как мы уже выяснили, знаменитый

¹ Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии. М., 2010. С. 204.

² Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С. 203.

лексикограф ставит домашнее хозяйство, однако на втором месте идет именно происхождение¹.

Если человек, даже связанный кровными узами, не отвечал высоким требованиям рода, он оказывался фактически исключенным из него.

Воспоминания и автобиографии, в состав которых почти всегда входили сведения о далеких предках, отражают тенденцию понимать под семьей род.

Роман Джейн Остин «Разум и чувство» начинается словами: «Дэшвуды принадлежали к старинному роду, владевшему в Сассексе большим поместьем, которое носило название Норленд-парк, и в усадьбе, расположенной в самом сердце их обширных угодий, из поколения в поколение вели столь почтенную жизнь, что пользовались среди соседей самой доброй репутацией.»². Остин в первую очередь знакомит нас с родом, семьей, а только затем с отдельными героями. В другом ее романе, «Гордость и предубеждение», леди Кэтрин де Бург отзывается о главной героине Элизабет Беннет как о выскочке, «молодой женщине без семьи, связей или состояния»³. В современном понимании Элизабет имела большую семью: отца, мать, четверых сестер. Но леди Кэтрин намекает на отсутствие благородного происхождения: хотя господин Беннет, несомненно, имел дворянское происхождение, отец миссис Беннет был всего лишь юристом.

Какие ценности лежали в основании понимания семьи как кровнородственного союза? В настоящее время обычно считается, что семейные отношения должны строиться на любви как между супругами, так и между родителями и детьми.

В XIX веке любовь не считалась достаточно прочным основанием для семейных отношений. Любовь, понимаемая как страсть, была слишком ненадежным основанием для счастливой семейной жизни, по мнению

¹ Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820

² Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С.2.

³ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.288.

просвещенных англичан того времени. Однако не всегда она рассматривалась в таком ключе.

Джейн Остин в письме к племяннице Фанни, разлюбившей ухаживавшего за ней молодого человека, ясно дает понять, что считает брак, основанный исключительно на уважении, вполне приемлемым: «Его ситуация в жизни, семья, друзья и прежде всего характер - его необычно добродушный характер, строгие принципы, справедливые представления, хорошие привычки - все, что ты так хорошо умеешь ценить, все это действительно имеет первостепенную важность...»¹. Остин советует обратить внимание на положительные качества кавалера. В дополнение к перечисленному выше тот был на хорошем счету в университете, имел состояние, жил в одном графстве с Фанни и являлся братом ее подруги. Джейн пыталась уговорить племянницу или порвать с ним, дабы не обнадёживать напрасно, или выйти за него замуж, уверяя, что в дальнейшем уважение, которое Фанни к нему испытывает, перерастет в нечто большее.

Подобная история зарождения чувства описана, например, в романе Остин «Разум и чувство», когда Марианна Дэшвуд становится женой полковника Брэндона, хотя сердце ее принадлежит блестящему, но бедному офицеру Уиллоуби, который женился на богатой наследнице.

Мистер Беннет из «Гордости и предубеждения» на собственном примере показал дочери Элизабет, что уважение и любовь в браке должны быть неразрывно связаны. Он женился на женщине, которая «узостью взглядов и ограниченным развитием уничтожила в нем всякое чувство истинной супружеской привязанности. Уважение, доверие, духовная близость исчезли навсегда, а вместе с ними рассеялись все надежды на семейное счастье»².

Элизабет Беннет поняла, что должна уважать своего супруга, иначе не сможет быть с ним счастлива, какие бы нежные чувства их не связывали.

¹ Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии. М., 2010. С. 280

² Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.193

Хотя в романах Джейн Остин героини обычно влюблялись до свадьбы, в реальной жизни она не рассматривала подобное развитие отношений как обязательное. Остин считала, что девушки должны подходить к браку практически, а не витать в облаках, ожидая неземной любви.

Остин высказала свой взгляд на проблему соотношения любви, уважения и дружбы устами Марианны Дэшвуд, героини своего романа «Разум и чувство». Вспоминая о Уиллоуби, которого она любила, Марианна тем не менее отрицает всякую возможность брака с ним: «Я уже не могла бы найти с ним счастье, узнав все это, как неизбежно узнала бы. У меня не осталось бы доверия, уважения. Прежние чувства уже не вернулись бы...»¹. Речь идет о том, что Уиллоуби соблазнил, а потом бросил юную племянницу полковника Брэндона. Не имея уважения к мужу, Марианна не смогла бы с ним жить, хотя и любила его. За полковника Брэндона, однако, она смогла выйти замуж, испытывая к нему не романтические чувства, а лишь «глубокое уважение и живейшую дружбу»², что представлялось надежным фундаментом супружеских отношений, а сердечная привязанность появилась позднее.

Любовь не обязательно должна была характеризовать отношения между супругами, обычно о ней говорили применительно к детям и родителям.

Согласно определению, данному в словаре Сэмюэла Джонсона, брак представляет собой «акт соединения мужчины и женщины согласно закону»³.

Женщины, дети и слуги находились в подчиненном положении по отношению к мужчине, выполнявшему роль главы семейства. Он, например, имел право поднять на них руку, а для них такая возможность была исключена. Власть над слугами происходила из контракта, над детьми - из необходимости выполнять свой долг по отношению к ним, то есть содержать,

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С.212.

² Остин Дж. Там же. С.231.

³ Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820.

защищать и воспитывать. Наиболее известно основание, на котором муж имел юридический приоритет перед женой: «Путем заключения брака муж и жена становятся единым лицом в законе: то есть само присутствие, или юридическое существование женщины, откладывается на время брака или, по крайней мере, включается и сливается с персоной ее мужа, под чьим крылом, защитой и покровительством она производит все действия...»¹. Женщина, ребенок, слуга не имели права свидетельствовать против главы семьи, самостоятельно выступать в суде. Однако не следует думать, что только члены семьи обладали обязанностями по отношению к ее главе, а он ничего им не был должен. На самом деле его жизнь также была нелегка. Например, если слуга или жена что-либо крали, то ответственность ложилась на плечи мужчины, поскольку закон предполагал, что они действовали по его прямому указанию. Муж и отец был обязан принимать на себя выплату долгов членов семьи. Жена или слуга могли что-либо взять у хозяина дома и не вернуть, однако это не считалось кражей, поскольку эти вещи не были унесены злонамеренно у другого (считалось, что жена может совершить преступление только с ведома мужа, а зачем кому-то красть у себя самого), а в отношении слуги о краже можно было заявить, только сначала уволив его.

Начало XIX в. было ознаменовано возрождением идеала семьи (и это несмотря на все большее внимание к личности и возможность открыто демонстрировать свои чувства и привязанности). Как гласил закон, заключив брак, мужчина и женщина становились «одним человеком». Отчасти, идея крепкой семьи возникла в результате нового отношения к частной собственности как неотъемлемой составляющей индивидуализма. К тому же, семьям оказывалась социальная и экономическая поддержка. За исключением лишь самых богатых, большинство молодых людей при создании семьи руководствовались не экономическими причинами, а стремлением к личному

¹ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. In 2 vols. Vol. 1. Philadelphia, Lippincott, 1880. 480 P.

счастью. Однако, хотя жены и являлись спутницами своих мужей, в браке они не были равными. По мере укрепления в общественном сознании стереотипа семьи с «хозяином» во главе, вероятность того, что жена может встретить эмоциональную поддержку и практический совет вне собственного семейного круга, значительно уменьшалась. К тому же, с развитием концепции «идеальной семьи», широко внедрившейся в устройство английского общества, все большее количество женщин осознавали свою экономическую и социальную «ненужность» по мере того, как их дети вырастали. Подобный возврат к неограниченному главенству мужчины в семье был вызван тремя основными факторами: «боязнью проникновения из Франции политической революции», страхом перед социальными переменами, обозначившимися в результате промышленной революции, и «влиянием новых религиозных направлений, таких как методизм и протестантство».

1.2. Предпосылки изменения законодательства к середине XVIII века

Законодательная ситуация в Англии к середине XVIII века была достаточно сложной, так как существовало три различных законодательных системы, рассматривавших вопросы, связанные с браком и семьей: церковное право (cannon law), право справедливости (equity law) и обычное право (common law), к которым примыкали три различных группы юристов и судей, обслуживавших три различные судебные организации, работавшие в соответствии с тремя различными системами и правилами доказательств и апеллировавшие к трем различным кодексам.

Обычное право уделяло вопросам брака большое внимание в связи с тем, что брак являлся единственным способом передачи собственности. Поскольку суды обычного права рассматривали дела о долгах и поскольку муж был ответственен за долги жены, они считали себя вправе решать вопросы о прочности брака и выносить вердикты о разводе. Для того, чтобы справедливо вынести решение об уплате долгов суды обычного права требовали доказательство того, что данные люди состоят в браке, и только при условии валидности такого брака выносилось решение об уплате долгов мужем.

Другой проблемой, имевшей отношение к браку и подпадавшей под юрисдикцию судов общего права, была проблема взыскания штрафов за всякого рода ущерб, как моральный, так и физический. К концу XVII века суды общего права стали рассматривать дела о возмещении вреда соvrращенным девушкам. В этом отношении суды работали в трех направлениях: обеспечение компенсации незамужним беременным женщинам посредством внесения иска со стороны отца; обеспечение компенсации незамужним, но помолвленным беременным женщинам, брошенным их женихами, посредством внесения ее иска за нарушение

обещания; обеспечение компенсации мужу замужней женщины, совращенной другим мужчиной, посредством внесения иска ее мужем о «преступной связи» против любовника. В случае, когда женщина имела претензии к мужчине за неисполнение обещания жениться, дело решал церковный суд; при наличии доказательств суд обязывал жениться под угрозой отлучения от церкви.

Суд справедливости лорда-канцлера включал в свою юрисдикцию разбор дел об управлении имуществом по доверенности, включая и те случаи, когда такие доверенности делались замужними женщинами, чтобы сохранить в своем распоряжении собственность, а также дела о выплате содержания. С тех же пор как суд лорда-канцлера осуществлял опеку над сиротами и сумасшедшими, он настаивал на получении согласия суда при их вступлении в брак (в случае сирот).

К этим трем видам судов добавлялись еще и манориальные суды, решавшие вопросы о правах вдов и детей на наследование копигольда.

Кроме запутанности судебной системы Англии, другой проблемой законодательства о браке был принцип «неожиданных последствий», то есть существовала большая разница между намерениями законодателей и результатами принимаемых законов. В частности, когда в XII веке Римский папа провозгласил, что единственной причиной для брака является только свободное обоюдное согласие обеих сторон, он даже не мог предполагать, какие последствия это будет иметь в XVIII веке, какой размах примет совращение девушек до брака. С другой стороны, изначально намерением иска о «грязном предложении» было наказание совратителя и возмещение ущерба обманутому мужу. К 1800 г. большинство такого рода исков являлось результатом тайного сговора, а их основной целью было обеспечение законного прикрытия для получения парламентского развода и разрешения на новое вступление в брак.

Законодательная система XVIII века была еще более запутанной, чем в XVII веке. В любом художественном произведении того периода мы обязательно находим пародию на правосудие. Действительно, дела в судах XVIII века решались как угодно, только не по закону и без его участия. Об этом свидетельствует огромное количество флитских браков и принятие Брачного акта Хардвика в 1753 г., а также борьба знаменитого юриста У. Блэкстона за судебную реформу

Для того, чтобы понять, для чего акт был принят и какие последствия имел, нужно знать, какова была ситуация до его принятия. До середины века брачная церемония была очень проста. Не требовалось ни разрешения от родителей, ни долгого срока ожидания, ни больших денег. Рядом с тюрьмой Флит находилось известное место, где за сумму в 7 шиллингов могли обвенчать любого желающего, даже не один раз за неделю (конечно, при наличии средств). После венчания выдавали специальные сертификаты, которые удостоверяли факт заключения брака. Однако некоторые молодожены считали себя «достаточно женатыми»¹, если сертификат был заполнен наполовину, поскольку это обходилось дешевле. Это в основном относилось к низшим слоям населения.

Запутанность законов в условиях английской действительности предполагала наличие еще более простых способов. В глазах церкви всякое обещание жениться, за которым последовало вступление в интимные отношения, считалось совершенным браком². В принципе нерасторжимым, хотя и не вполне законным с точки зрения церкви, считался вариант, когда при свидетелях давалось обещание жениться, сказанное в настоящем времени: «Дорогая, этим кольцом я беру тебя в жены». После произнесения подобной формулы брак считался заключенным. Это вызывало у дворян

¹ Brown R.L. The Rise and Fall of the Fleet Marriages // Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage. N.Y., 1982. P. 129.

² Blackstone W. Commentaries on the laws of England. In 2 vols. Vol. 1. Philadelphia, Lippincott, 1880. 480 P

опасения, что их сыновей и дочерей могут обманом вовлечь в матримониальный союз.

Надо учитывать, что далеко не всегда мужчины, давшие подобное обещание, сдерживали свое слово. Они могли, например, воспользоваться тем, что слово было дано наедине, и не предпринимать никаких шагов к свадьбе после проведенной вместе ночи. Естественно, подобная путаница приводила к распространению многоженства, скороспелым бракам, социальным мезальянсам.

Такое развитие событий было характерно не только для романов, но имело место и в реальной жизни. Леди Мэри Уортли Монтэгю в 1712 г. вышла замуж против воли родителей, сбежав со своим женихом. После этого она два года не упоминала в письмах родителей¹, что указывает на неодобрительное отношение последних к ее выбору. Однако в итоге родителям пришлось смириться с ним.

На самом деле, вся судебная неразбериха превратилась в войну между различными видами судов: церковные суды не принимали во внимание решения судов обычного права, последние - судов лорда-канцлера, но все они апеллировали к суду Королевской скамьи или Олд-Бейли, а те, в свою очередь, к Палате Лордов - высшей судебной инстанции королевства. Решения же Палаты Лордов на местах оспаривались манориальными судами - местными судами общего права. Таким образом, получался замкнутый круг. Причиной же такого положения была еще большая неразбериха с законодательством о браке и протестантскими концепциями брака в церковном законе.

Таким образом, церковные юристы на протяжении XVI-начала XVIII вв. были озабочены прежде всего проблемами поиска законных форм брака. Все их поиски имели, однако, своей целью доказать, что единственной законной формой брака все равно является церковный союз, то есть брак, освященный

¹ Montagu M.W. The complete letters of Lady Mary Wortley Montagu. Vol. 1. P. 228.

в церкви. Их борьба против брачных соглашений без церковного участия имела своей целью борьбу с возрастающим влиянием государства на брак и желанием государства сделать, во-первых, из брака свою статью дохода, а во-вторых, потеснить церковь в плане юрисдикции брачно-семейных отношений

Средневековая практика заключения браков базировалась на заявлении папы Римского Григория IX, сделанном в XII веке о том, что единственной формой существования брака является не формальное венчание священником в церкви, но свободное согласие обеих сторон, заключавшееся в устном обмене обещаниями вступить в брак при достижении брачного возраста в присутствии двух свидетелей, и такое обещание должно быть выражено в настоящем времени. Таким образом, в средние века сложились две общепринятые формы брака в Англии. Официальное заключение брака в церкви по всем каноническим законам с объявлением имен брачующихся и приобретением лицензии было характерно для аристократии. Народ же предпочитал устный договор, который сопровождался народными гуляниями и языческими ритуалами.

Однако церковь не могла принять устный договор как достаточный для брака по трем причинам, несмотря на заявление папы. Во-первых, это было непрактично; во-вторых, это противоречило средневековой практике заключения браков, где соглашения заключались между родителями, опекунами, «друзьями» с целью укрепления политической и экономической власти семьи; в-третьих, это противоречило желанию церкви контролировать брак, превратить его в таинство и таким образом держать в повиновении народ.

С другой стороны, кроме согласия сторон, которое основывалось еще на законе Юстиниана, требовалось также согласие родителей и опекунов на брак. По языческому германскому обычаю, например, брак зависел от выкупа, который семья жениха предоставляла семье невесты, согласия же сторон не требовалось. Католическая церковь всегда настаивала на

необходимости церковного ритуала. Следовательно, отклоняя любую форму церковного брака в связи с обоюдным согласием сторон, молодые рисковали пойти против двух наиболее могущественных институтов средневекового общества: церкви и государства. Соответственно обоюдного согласия сторон было явно недостаточно для заключения брака. И государство, и церковь требовали публичности - государство для того, чтобы закрепить права на собственность, а церковь для того, чтобы идентифицировать внебрачную связь с адюльтером и утвердить концепцию брака как таинства, символизируемого церковью.

В результате аристократия игнорировала заявление папы и продолжала заключать браки между своими детьми, а церковь стала более непримиримо относиться к бракам, не освященным церковью.

Так вербальное объявление брака стало рассматриваться в качестве помолвки, за которой должна была следовать официальная церемония венчания в церкви. С распространением протестантизма средневековое законодательство о браке было пересмотрено.

Вопрос о разводе стал обсуждаться в рамках англиканской церкви сразу же после введения Реформации. Безусловно, развод существовал и ранее, но католическая церковь давала его определение как «разделение по кровати и проживанию», то есть как просто раздельное жительство супругов. Протестантские теологи указывали, что этот обычай не имеет никаких обоснований в Библии и является уже более поздним нововведением. Раздельное жительство супругов, говорили они, лишает брак его сущности, то есть сексуальных взаимоотношений и общения, и вследствие этого выступает в качестве стимула для связей на стороне и адюльтера.

Во время царствования Елизаветы новая доктрина находилась в полной гармонии с практикой, то есть новые браки свободно заключались после получения развода от неверного партнера, но это длилось недолго. К концу

царствования, как известно, сама Елизавета ужесточила свои взгляды на брак и развод.

Так в начале XVII в. возобладала доктрина канонического закона, по которой такой развод не являлся полным и не давал возможности для вступления в следующий брак.

В царствование Стюартов положение канонического закона еще более упрочилось, и освобождение от брачных уз сделалось почти невозможным, кроме как посредством смерти. На защиту свободы развода поднялась пуританская мысль, главным выразителем которой был Дж. Мильтон. Он утверждал, что развод - это «закон моральной справедливости». Для христиан, говорил он, вполне законным является желание получить развод «по многим другим причинам равным адюльтеру», таким как жестокость, «своевольное поведение» со стороны женщин, также как и из-за отсутствия супруга длительное время. Мильтон даже провозгласил доктрину саморазвода. Однако мнение его осталось не услышанным. На практике сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, юристы придерживались канонического права, с другой стороны, они имели тенденцию относиться ко всем тайным обручениям, за которыми следовал реальный физический союз, как к обязательным бракам. Даже в XVIII веке помолвленные рассматривались как муж и жена и начинали жить вместе с момента помолвки, а дети, рожденные в период между помолвкой и браком, признавались законными¹.

С такими представлениями о браке тесно связано и представление о семье как о «малом сообществе», которое является источником происхождения всех остальных общественных институтов, в том числе церкви и государства. Отсюда и власть отцов над своими домашними рассматривалась вполне естественной: «Каждый человек является государем

¹ Helmholtz R. H. Marriage Litigation in Medieval England. - Cambridge, 1974. - P. 25, 66-69, 186.

в своем собственном доме»². При этом семье было отказано в частной жизни: поскольку это публичный общественный институт, то есть общество, церковь и государство в миниатюре, то и внутренние дела семьи должны всегда становиться предметом вполне естественного интереса со стороны соседей, прихода, и даже государства. Поэтому последнее было очень сильно заинтересовано в регулировании брачно-семейных отношений, ибо состояние брака и семьи показывало состояние государства в целом.

Таким образом, можно выделить следующие предпосылки к изменению законодательства к середине XVIII века:

- законодательная ситуация в Англии к середине XVIII века была достаточно сложной, так как существовало три различных законодательных системы, рассматривавших вопросы, связанные с браком и семьей;
- существовала большая разница между намерениями законодателей и результатами принимаемых законов;
- неразбериха с законодательством о браке и протестантскими концепциями брака в церковном законе;
- семье было отказано в частной жизни: поскольку это публичный общественный институт, то есть общество, церковь и государство в миниатюре, то и внутренние дела семьи должны всегда становиться предметом вполне естественного интереса со стороны соседей, прихода, и даже государства;
- трудности не только с получением развода, но и его законностью.

² Anderson O. *State, Civil Society and Separation in Victorian Marriage*. Oxford, 1999. № 163. P. 165.

Глава 2. Брак в Англии в середине XVIII - конце XIX вв.

2.1 Английское гражданское законодательство о браке с середины XVIII до конца XIX вв.

В Великобритании в XVIII -XIX вв. были предприняты первые шаги по долгому пути к формально-юридическому равенству полов. Движение к этому было эволюционным с преодолением традиционно-консервативной, во многом феодальной, правовой идеологии в сфере семейных отношений.

Брак - одна из важнейших форм человеческих взаимоотношений, прошедшая очень сложный и долгий путь развития. Как и всякое общественное явление, становление института брака происходило под влиянием господствовавших у англичан в то или иное время социально-экономических отношений, и естественно, что брак приобретал ту форму, которая более отвечала их требованиям. Огромное влияние на развитие формы заключения брака оказал протестантизм. Будучи одним из важнейших государственных институтов, англиканская церковь контролировала эту область жизни. Однако, как и прежде, признавалось две формы заключения брачного контракта без церковного оформления брака:

- устное обещание жениться в будущем, такой брак мог быть расторгнут при обоюдном согласии партнеров. Если же партнеры вступали в супружеские отношения, то считалось, что брак должен быть обязательно рано или поздно заключен. Однако для лиц католического вероисповедания контракт был действителен только в первой своей части. Из этой формы впоследствии развились как помолвка, так и «отложенный брак», функционировавшие на равных в Англии на протяжении XIX в. «Отложенный брак» заключался до помолвки. По существу, это был ранний этап той же помолвки;

- пара при свидетелях обменивалась фразами: «Я беру тебя в жены» и «Я беру тебя в мужья».

Первоначально, до XVIII в., и католическая, и англиканская церкви рассматривали этот контракт как окончательное обязательство, которое уже нельзя было нарушить ни при каких обстоятельствах, и признавали эту форму заключения брачного союза такой же действенной, как и обряд венчания в церкви. Однако в XVIII в. церковь постановила, что венчание в церкви признается незаконным, если будет доказано, что одним из партнеров до этого было дано обещание при свидетелях другому лицу.

Это была мера против двоеженства, которое из-за многообразия форм заключения брачного союза стало сущим бичом в Англии XVIII в.

Церковь признала также незаконным венчание в церкви если при устном обещании женитьбы партнеры вступали в супружеские отношения до свадьбы.

В XVIII-XIX вв. вхождение в брачное состояние заключало много форм: письменную, закрепленную юридически; контракт между родителями, оговаривавший финансовые условия и касавшийся приданого; устные обещания партнеров, произнесенные в присутствии свидетелей; церковное венчание, при котором публично удостоверялось обоюдное согласие вступающих в брак и союз получал формальное благословение; сексуальное осуществление брачных отношений.

До XVIII в. брачно-семейные отношения в большинстве аспектов по-прежнему регулировались нормами канонического права, к компетенции которого относилось заключение брака, личные отношения супругов, взаимоотношения родителей и детей, прекращение брака. Исключение составляли имущественные правоотношения супругов, которые регулировались «общим правом» и нормами «права справедливости»¹.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1893. Т. 18. С. 505.

Единственной законной формой брака до 1836 г. было церковное венчание¹. При короле Карле II гражданский брак утратил юридическую силу и единственной законной формой брака вновь стало церковное венчание². Непостоянство в формах брака, обусловленное внутренней политикой конкретного правителя и отношением его к церкви, привело к распространению так называемых «неформальных» браков, совершаемых с нарушением предписанных каноническим правом процедур, но не лишенных вследствие этого юридической силы. Попыткой исправить эту ситуацию было принятие в 1753 г. Акта Хардвика (англ. Hardwicke Act), установившего единообразие обязательных процедур в церковном браке, что определяло его законность и правовые последствия. В частности, обязательным стало троекратное оглашение в приходской церкви о вступлении в брак; венчание было разрешено только в той церкви, в приходе которой супруги прожили не менее четырех недель³.

Согласно новому закону, предложенному лордом Хардвиком, пары младше 21 года могли венчаться только с согласия родителей или опекуна. Ограничения не имели силы на территории Шотландии, где юноши и девушки могли вступать в брак, не спрашивая разрешения, соответственно с 14 лет и 12 лет. Для этого было достаточно в присутствии свидетеля назвать друг друга супругами. Поскольку деревня Гретна-Грин была первым населённым пунктом по ту сторону границы на дороге из Лондона в Шотландию, она на целых два столетия стала популярным местом, где несовершеннолетние влюблённые могли заключать брак в обход английского закона. В 1856 году был принят новый закон, согласно которому браки в Гретна-Грин могли заключаться лишь в том случае, если один из пары провёл

¹ Дженкс Э. Английское право / Пер. с англ. Л.А. Лунц; предисл.: Исаев М.И., Лунц Л.А. М.: Юрид. изд-во М. СССР, 1947. 378 с.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1893. Т. 18. С. 505.

³ Дженкс Э. Английское право / Пер. с англ. Л.А. Лунц; предисл.: Исаев М.И., Лунц Л.А. М.: Юрид. изд-во М. СССР, 1947. 378 с.

в Шотландии 3 недели до церемонии. Однако это не остановило поток желающих пожениться, а лишь сократило их количество.

Известен пример Перси Шелли, наследника титула баронета, сбежавшего в 1811 г. со своей возлюбленной Харриет Вестбрук, дочерью торговца, в Шотландию, где они поженились¹. Подобный поступок вызывал не самую положительную реакцию в обществе, хотя положение сбежавших не считали безнадежным.

Например, в случае с Лидией Беннет, героиней романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение», побег завершился браком, после чего молодых продолжили принимать в приличном обществе.

Акт лорда Хардвика о браке многое изменил в том, как брак заключался (процедура развода при этом не менялась). Прежде всего, браки должны были отныне совершаться только в церкви или часовне, где за несколько недель до церемонии вывешивали специальные объявления об этом мероприятии, чтобы исключить возможность многоженства. Правда, существовал еще один способ: получить лицензию у архиепископа Кентерберийского. Но этот вариант, сопровождавшийся значительными затратами, был доступен далеко не всем. В случае невыполнения этих условий брак считался недействительным, а лицо, проводившее церемонию, могло быть подвергнуто штрафу в размере 100 фунтов и даже отправке в колонию на срок до 14 лет. Кроме того, нельзя было венчаться под чужим именем, изменять что-либо в свидетельстве после его выдачи, уничтожать приходские регистрационные книги.

Последние условия были призваны предотвратить возможные попытки скрыть факт замужества или женитьбы. Эти предосторожности не были лишними. Как показывает практика, некоторые супруги до 1753 г. пытались избавиться от брачного ярма незаконным способом, например, сжечь сертификат о браке и отрицать, что они когда-либо были связаны. После

¹ Моруа А. Ариэль, или Жизнь Шелли: романизированная биография. М., 2011. С. 69.

принятия акта Хардвика им вряд ли удалось бы столь легко уничтожить все свидетельства брака, поскольку оставались бы записи в приходских книгах, которые до того велись нерегулярно.

Вступление акта в силу превращало заключение брака в либо довольно длительный, либо дорогой процесс, что должно было отбить охоту к многоженству. Действительно, за несколько недель могли стать известными обстоятельства, не позволявшие вступить в законный брак, а у жениха и невесты появлялась возможность лучше обдумать свое намерение.

Надо заметить, что принятие акта поставило под вопрос легитимность многих браков, в том числе аристократических. Герцоги Глостерский и Камберлендский даже подали королю прошение с просьбой удостовериться, что их браки законны. После этого в специальные книги были занесены сведения об их женитьбах. Они были не единственными, кто озаботился этой проблемой. Почему это было столь важно для аристократов? В случае признания браков незаконными дети, рожденные в них, также теряли свой статус, а главенство в роде и имущество переходили к боковым ветвям, мог даже исчезнуть титул.

В 1783 г. был принят акт, согласно которому король должен был получать с каждой страницы приходской книги, куда заносились записи о похоронах, свадьбе, рождении или крещении, три пенса¹. В ознаменование уплаты налога на страницу ставилась печать. В 1812 г. был принят акт (впоследствии его стали называть актом Роуза), согласно которому были стандартизированы формы записей о рождениях, крещениях, браках и похоронах. Записи должны были делаться в специальных книгах, которые надлежало хранить от возможных повреждений и ежегодно предоставлять чиновнику- регистратору диоцеза копии для проверки и учета. Регистратор в свою очередь докладывал о получении копий епископу. Записи о браках

¹ An Act for granting to his Majesty a Stamp-duty on the Registry of Burials, Marriages, Births, and Christenings. [1783]

надлежало оформлять надлежащим образом. Каждая запись должна была быть пронумерована и отделена от следующей чертой. В каждой записи надлежало указывать имена обоих родителей молодоженов, название прихода, дату свадьбы и имена свидетелей.

Компромиссом в решении вопроса о форме брака стало принятие Акта 1836 г., сохранившего законную силу церковного брака, но, вместе с тем, легализовавшего и гражданский (светский) брак, который мог оформляться в конторе специального государственного регистратора при условиях гласности, наличия свидетелей и записи в регистрационной книге¹.

Установление гражданского брака как возможной альтернативы церковному можно объяснить возроставшим влиянием статутного права², в большей мере отвечавшего социально экономическим реалиям развивавшихся буржуазных отношений. Вместе с тем учреждение гражданского брака не устраняло определяющей роли канонического и «общего права» в вопросах брака, правовые последствия которого заключались в «объединении личности» мужа и жены³. Обоснование этому состояло в том, что по каноническому праву муж и жена есть «одно тело» перед Богом, соответственно, они являются одним целым и в юридическом смысле, при этом интересы супругов перед всеми третьими лицами представлял муж. С вступлением в брак женщина утрачивала правовую самостоятельность. По нормам «общего права» муж приобретал право собственности на приданое жены и мог распоряжаться всем движимым имуществом, принадлежавшим супруге к моменту заключения брака, а также приобретенным в период брака. Он получал право владения и пользования доходами с недвижимого имущества жены без права его отчуждения по своему усмотрению, к нему переходило и право требования по

¹ Загорский А.И. Курс семейного права. Изд-е 2-е. Одесса, 1909. 548 с.

² Там же

³ Хазова О.А. Брак и развод в английском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 11.

обязательствам. Замужняя женщина не могла самостоятельно заключать сделки и отвечать по договорным обязательствам. Формально, без позволения мужа супруга не могла брать на себя обязательства даже по тем договорам, которые совершались довольно часто, например, купли-продажи, и ответственность по таким договорам, в том числе и по уплате долгов, нес муж. Замужняя женщина не отвечала самостоятельно и по обязательствам, возникшим из причинения вреда, - за деликт, совершенный женой, ответственность нес муж. Заметим, что деньги, данные мужем своей супруге на ее личные расходы, оставались все же его имуществом: «если супруга благодаря хорошему ведению домашнего хозяйства действительно сохранит какую-либо вещь... он должен пожинать преимущества бережливости своей жены»¹. Следовательно, назначив ежегодную сумму своей супруге для ее личных потребностей, муж имел право собственности на ту сумму, которая была ею сохранена (сэкономлена или не истрочена). Таким образом, в гражданско-правовых отношениях замужняя женщина фактически переставала существовать как отдельный субъект, уступая место «общности жены и мужа», в которой интересы жены представлял супруг, как если бы она была недееспособной. Ее личность оказывалась «закрытой, поглощенной» личностью мужа².

Незамужняя женщина обладала правоспособностью самостоятельно заключить брачный контракт, но, вступив в брак, она лишалась правоспособности заключить какой-либо иной контракт. Обычно брачный контракт содержал условие, по которому все имущество, принадлежащее жене к моменту заключения брака и приобретенное ею в период брака, передается поверенному с тем, чтобы после смерти мужа оно могло быть передано жене, а после смерти обоих супругов – детям. Если в контракте никоим образом не оговаривалась возможность супруги владеть имуществом,

¹ Fredman S. Women and the Law. Oxford University Press. 1997. P. 40.

² Fredman S. Women and the Law. Oxford University Press. 1997. P. 41

то все ее имущество переходило под контроль мужа. Такие прецедентные новеллы, установленные «правом справедливости» в системе норм «общего права» об имущественных отношениях супругов, имели небольшое практическое значение для женщин из рабочего класса и других низших слоев общества, поскольку они, как правило, не имели собственного недвижимого имущества, да и движимое имущество обычно не представляло существенной ценности, а потому – не было необходимости в составлении брачного контракта.

У замужней женщины не было никакой возможности отказаться от «контракта супружества», поскольку развод, даже по взаимному согласию, был неприемлем каноническим правом.

В 1836 г., несмотря на ожесточенное противодействие духовенства, был допущен гражданский брак и опять введены лицензии. Лицензия считалась действительной в течение трех месяцев: вне Лондона она могла быть получена в любом кафедральном соборе у епископа или в окружной регистратуре по месту жительства жениха. Венчание совершалось лишь в той церкви, которая была указана в лицензии¹.

Возраст для вступления в брак был установлен не ниже 21 года для жениха и невесты. Это постановление церкви шло вразрез с каноническим правом западной церкви, по которому возраст вступающих в брак англичан-протестантов для мужчин был 14 лет, для женщин - 12 лет. Браки, заключенные лицами моложе 21 года, признавались «несовершенными» и недействительными на протяжении последующих 7 лет².

Из подобных браков развилась форма «условленного брака». Однако установление возраста вступления в брак независимо от вышеприведенных постановлений в каждом конкретном случае определялось рядом обстоятельств социально-экономического характера.

¹ Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1866. Т. 2. С. 726

² Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. IV. С. 567.

Майорат, т. е. наследование по старшинству, с одной стороны, и порядок вступления в брак детей по старшинству - с другой (он укоренился в Англии с незапамятных времен и был направлен на сохранение хозяйства), оставляли за рамками брачных уз младших сыновей и дочерей. Младшие сыновья в подобной ситуации лишь откладывали свою женитьбу на неопределенно долгий срок для накопления необходимых при вступлении в брак материальных средств; в отношении же дочерей перед семьями стояла моральная обязанность непременно выдать их замуж.

У лиц, находившихся на более низкой, чем среднезажиточное население, социальной ступени, можно выделить свою модель вступления в брак. Начиная с XV в. возрастной ценз указанной категории лиц рос непрерывно, дойдя в XIX в. в среднем для мужчин - от 26 до 30 лет и для женщин - от 24 до 27 лет. Такой поздний возраст вступления в брак объяснялся в первую очередь социально-экономическими причинами. Так же, как и младшим сыновьям более или менее зажиточных родителей, лицам из мало или необеспеченной группы населения следовало накопить достаточно средств в целях приобретения обстановки и жилья для будущей семьи, включая, естественно, и необходимый доход от какого-нибудь занятия, чтобы содержать семью.

Более того, к середине XIX в. традиционная роль мужчины и женщины в процессе заключения брачного союза начала меняться. С одной стороны, женщины предлагали сами себя и свои средства будущему партнеру в брачной жизни, с другой - мужчины стремились путем брачного союза поправить свое материальное положение.

Так, в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение» рассказывается о неудачном выборе главной героини: «ответ Уикхема на этот вопрос свидетельствовал, что молодой человек лелеял надежду поправить свои дела основательно с помощью женитьбы в новых местах»¹.

¹ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.261

Отношение к добрачному сожителю у англичан на протяжении всего XIX в. было отрицательным. С течением времени к нему стали относиться все более снисходительно, так как в средних и бедных слоях общества оценка этого факта уже зависела не столько от мнения родителей, родных и знакомых, сколько от самих вступающих в брак. Сложнее обстояло дело с нарушением ранее заключенного брачного контракта, вследствие чего обиженная сторона могла вчинить иск в суде к разорвавшему контракт, требуя от него денежного возмещения. Нередко, не разрывая брачного контракта, в случае несовершеннолетия одного из партнеров или недостатка финансовых средств, заключение брака откладывали на неопределенное время; инициатива в таких случаях, как правило, исходила от родителей.

Однако в глухих местах Англии, особенно в сельских коллективах, где еще в какой-то мере сохранились воспоминания о традиционном отношении к браку, в XVIII-XIX вв. люди решительно вмешивались и отвергали мотивы вступления в брак, навеянные духом предпринимательства и наживы.

В этих местах браки негармоничных по возрасту партнеров, сексуальные извращения, господство в доме женщины или избивания мужьями жен подлежали общественному осуждению и постыдному наказанию, носившему название «ран-тан» или «скиммингтонс». В Англии девятнадцатого века скиммингтонс представлял собой «кошачий концерт» или даже физическую расправу над жертвой, как правило женщиной, избивавшей своего мужа. К мужьям, избивавшим своих жен, общественное мнение того времени относилось толерантно.

В английском законодательстве второй половины XIX века намечается тенденция постепенного устранения дискриминационных норм, касающихся имущественных прав женщин, что, в частности, можно объяснить и

усиливавшимся влиянием на политико-правовые процессы суфражистского движения¹.

В 1870 году парламент принял Акт «Об имуществе замужних женщин» (The Married Women's Property Act of 1870), в котором впервые на законодательном уровне было сделано отступление от принципа общности имущества супругов. Акт определял заработанные женой во время брака своим трудом или отдельным промыслом денежные средства как ее отдельную собственность, которой она могла распоряжаться по своему усмотрению. Данная норма имела обратную силу и распространялась на браки, заключенные до 1870 года. Актом устанавливалось, что супруга может владеть движимым имуществом, полученным ею по праву законного наследования или дарения, стоимостью не более 200 фунтов, также она получала право на личное использование доходов с недвижимого имущества, унаследованного ею по закону². Эти нормы не имели обратной силы и могли быть применимы только к бракам, заключенным после вступления в силу указанного Акта. Если женщина при вступлении в брак имела в собственности, хранящиеся в банках денежные средства, в случае составления брачного контракта она могла указать, что они составляют ее отдельную собственность. С принятием Акта муж уже не нес ответственность за добрачные долговые обязательства супруги, они подлежали погашению за счет ее личной собственности.

Акт 1870 года предоставил возможность замужней женщине избежать поглощения и сохранить в собственности лишь некоторые виды имущества, такая собственность супруги получила название «статутарной отдельной собственности». Иное имущество могло быть передано в ее личную собственность только с согласия мужа. Вместе с тем замужняя женщина еще

¹ Хазова О.А. Брак и развод в английском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 11.

² Имущественные права замужних женщин в Англии по закону 1870 года. Юридический вестник. Ноябрь. Издание Московского юридического общества. Кн. 8. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1871. С. 39-46.

не стала полноправным собственником «обособленного» имущества, так как она не могла продать его или заложить без согласия мужа¹. Акт «Об имуществе замужних женщин» 1870 года был первой попыткой законодателя отойти от принципа общности супружеского имущества.

Следующим шагом в этом направлении стало принятие Акта «Об имуществе замужних женщин» 1882 года (Married Women's Property Act of 1882), нормами которого было установлено право замужней женщины «приобрести, держать и распоряжаться в соответствии с желанием» своим личным имуществом, причем «обособленное» имущество теперь включало не только её движимую, но и недвижимую собственность, вне зависимости от времени и способа ее приобретения. У замужней женщины появилось право заключать сделки относительно её отдельного имущества без вмешательства какого-либо «доверительного собственника», а также она имела право предъявлять иски и неслала ответственность по обязательствам сделок, заключенных от своего имени. Жена становилась единственной ответственной по всем договорам, заключенным ею как до, так и во время брака, за исключением договоров, которые она заключала в качестве агента своего мужа. По своим долговым обязательствам, возникшим во время брака, она отвечала в пределах своего имущества, за исключением имущества (как движимого, так и недвижимого), в отношении которого она не имела права распоряжаться будущими доходами².

Таким образом, получив право распоряжаться своим «обособленным» имуществом, замужняя женщина признавалась полностью дееспособной в гражданско-правовых отношениях, что можно считать первым этапом на пути к гендерному равенству. Нормы Актов «Об имуществе замужних женщин» 1870 и 1882 годов послужили основанием установления в

¹ Fredman S. Women and the Law. Oxford University Press. 1997. P. 45.

² Дженкс Э. Английское право / Пер. с англ. Л.А. Лунц; предисл.: Исаев М.И., Лунц Л.А. М.: Юрид. изд-во М. СССР, 1947. 378 с.

английском праве режима раздельной собственности супругов, существующего до настоящего времени.

Рассмотрев английское законодательство в исследуемый период, нами выявлены следующие значимые вехи в развитии английского гражданского законодательства в части брака. Нами определено, что до XIX в. брачно-семейные отношения в большинстве аспектов по-прежнему регулировались нормами канонического права, к компетенции которого относилось заключение брака, личные отношения супругов, взаимоотношения родителей и детей, прекращение брака.

Одной из первых предпосылок к изменению гражданского законодательства в части брачных отношений, явился Акт Хардвика принятый в 1753 г. (англ. Hardwicke Act), в котором были предприняты попытки установить единообразие обязательных процедур в церковном браке, а также определить его законность и правовые последствия.

1836 год стал годом принятия одного из важнейших изменений в брачном праве, в этот год был принят закон, легализовавший гражданский (светский) брак, он существовал наряду с сохранившим законную силу церковным браком. Гражданский брак мог оформляться в конторе специального государственного регистратора при условиях гласности, наличия свидетелей и записи в регистрационной книге.

В 1870 году парламент принял Акт «Об имуществе замужних женщин», акт определял заработанные женой во время брака своим трудом или отдельным промыслом денежные средства как ее отдельную собственность, которой она могла распоряжаться по своему усмотрению. Данная норма имела обратную силу и распространялась на браки, заключенные до 1870 года.

Как видим, основные изменения, направленные на совершенствование гражданского законодательства в области брачных отношений, а также

ставшие отправными точками к уравниванию в правах мужчин и женщин, в Англии начали оформляться лишь во второй половине XIX века.

Именно со второй половины XIX века начинается движение в сторону отхождения от многовековой традиции, которая ущемляла права женщин в браке и не признавала их прав на собственность.

2.2 Расторжение брака в Англии в середине XVIII – конце XIX вв.

Высокая смертность населения, поздние браки и ранняя кончина в Англии в XIX веке делали долгий союз маловероятным. Многие связи были скоротечны. Судя по продолжительности жизни, мужчина и женщина могли наслаждаться браком в течение 17-20 лет. 50 процентов супружеских пар не достигали даже такого результата. Немногие родители доживали до свадеб своих детей. Каждый четвертый брак оказывался повторным для одного или обоих партнеров. В петиции к палате общин Лондона вдовы заявляли: «Те из нас, кто имел хороших мужей, собираются повторить свой успех; а те, которым попались плохие, собираются попытаться счастья еще раз и теперь уже не прогадать»¹.

Официально освобождением от уз супружества признавалась смерть мужа или жены. Новой ступенью свободы личности стала возможность выбирать самому себе пару, что означало ожидание сильных эмоций от брака, а также большее разочарование в случае ошибки. Неизбежно начали происходить размолвки между супругами, а женщины не стеснялись протестовать, когда с ними поступали не по-джентльменски. Несмотря на это, легального развода добиться было сложно, насколько бы ни отвратительно вел себя муж. Разводом назывались раздельная постель и пропитание, но без разрешения выходить замуж снова. Во многих делах, слушавшихся в церковных судах, присутствовали факты измены. Женщина могла обвинить в адюльтере своего мужа, если имела конкретные основания для этого. В обществе, где женщина воспитывалась как низшее, подчиненное мужчине существо, такие основания не всегда находились. Все грязные подробности скандала выставлялись перед судом на всеобщее рассмотрение. Каждая сторона пыталась представить себя в качестве жертвы, однако именно на женщине лежала задача убедить мужчин-судей в виновности супруга. Здесь,

¹ Уоллер М. Лондон, 1700 год. Смоленск. 2003. с. 83

как нигде больше, ей приходилось играть роль пассивной жертвы, так как малейшие признаки настойчивости могли привести суд к выводу, что она сама спровоцировала поведение мужа.

Свидетели были жизненно необходимы в таких случаях. В основном ими становились домашние слуги. Ни один муж не мог завести роман или побить жену без их ведома. Даже простыни, которые стирала прислуга, могли служить доказательством измены. Слуг можно было позвать на помощь, если рукоприкладство мужа переходило все границы. Судя по судебным делам, мужчины иногда пытались подкупить слуг, к сожалению, многие были рады дать ложные показания за денежное вознаграждение.

Английский юрист Уильям Блэкстон отмечает существование двух видов развода. Первый имел место в том случае, если причина для него существовала еще до свадьбы (например, один из супругов оказывался душевнобольным или уже состоял в браке). При таком варианте развития событий брак считался недействительным с самого начала, поэтому дети таких супругов объявлялись незаконнорожденными. Второй вид развода предполагал разделение постели и крова мужа и жены, то есть их раздельное проживание. Поводом к такому разделению могло послужить множество обстоятельств, включая то, что жена пошла куда-то развлекаться без согласия мужа, хотя Блэкстон признает подобное основание чрезмерно жестоким. Он также отмечает возрастание числа случаев, когда развод получали через парламентский акт, указывая в качестве причины неверность одного из супругов¹. В юридической практике существовало довольно много способов избавиться от ярма супружества.

С первым случаем все было достаточно ясно. Разделение же постели и крова предполагало, что супруги формально не разведены, то есть не могут вступить в новый брак; кроме того, муж был обязан содержать жену, в

¹ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. In 2 vols. Vol. 1. Philadelphia, Lippincott, 1880. 480 P.

противном случае принимая на себя ответственность за ее долги¹. Что касается разводов по акту парламента, то они были дороги и доступны далеко не всем: в промежуток между 1670 и 1857 годами, по подсчетам исследователей, этой возможностью воспользовалось всего 325 человек, из них только в четырех случаях инициаторами выступили женщины. В качестве причин такого неравенства в соотношении можно назвать материальное положение женщины в браке и отношение в обществе к разведенным дамам. Стоимость разводов по акту парламента составляла 20 шиллингов. Это двухлетний заработок лондонского рабочего и десятилетний - работавшей женщины. Таким образом, развод был привилегией высшего общества и среднего класса с неплохим доходом. Если жена была в состоянии оплатить процесс, она могла подать в суд заявление на материальную помощь от бывшего супруга, которую ей и предоставляли, если доказывалась ее невиновность. Также стороны могли договориться о расставании между собой и подкрепить это оформлением соглашения у нотариуса, в этом случае женщина тоже получала материальную поддержку. Однако эти деньги очень скоро кончались, а их сумма часто оказывалась неправильно подсчитанной.²

Основная вина за развод ложилась на плечи женщины, чью репутацию губил подобный шаг. Однако и для мужчин развод не был предпочтительным вариантом. Наверняка читатели романа «Джейн Эйр» задавались вопросом, почему мистер Рочестер не развелся со своей сумасшедшей женой? Однако безумие не считалось достаточным поводом для развода. Муж мог развестись с женой только в случае ее измены, а вот жене пришлось бы искать более весомые причины. Мужской измены было недостаточно, требовались отягчающие обстоятельства, такие как физическое насилие, многоженство или инцест³.

¹ Staves S. Married Women's Separate Property in England, 1660 - 1833. Cambridge, Massachusetts, L., 1990. P. 186.

² Уоллер М. Лондон, 1700 год. Смоленск. 2003. с. 83

³ Коути Е. Недобрая старая Англия URL: http://bookz.ru/authors/ekaterina-kouti/nedobraa_679/1-nedobraa_679.html

Законы об адюльтере не были на стороне женщин. Мужчины за измену не наказывались никак, но для женщин предусматривались тяжелые последствия за любовную связь в браке либо после распада семьи. Денежные выплаты тотчас же заканчивались при малейшем подозрении в измене. Разведенная женщина приговаривалась к жизни в изоляции. Хуже того, она теряла своих детей, которых воспитывал отец, потому что они принадлежали ему так же, как и жена, во всяком случае, пока вырастут. Супруга не имела права видеться с собственным ребенком, даже если отец был признан виновной стороной на суде. Естественно, надо было пережить муки ада, чтобы решиться пойти на развод, но, как ни странно, все больше женщин предпринимали подобные шаги, что можно рассматривать как знак роста сознания собственных прав. Некоторые женщины просто уходили из дома. Газеты были усеяны сообщениями о бегствах супругов и отказами со стороны мужей выплачивать их долги: «Элизабет Стефенсон, жена Джоржа Стефенсона из Фолкен-корт, сбежала от мужа и затем наделала долги с целью разрушить состояние супруга. Джорж Стефенсон публично заявляет, что ни под каким предлогом погашать эти задолженности не намерен». После свадьбы даже «движимое имущество» или предметы домашнего обихода жены становились собственностью мужа. Она владела только «личными принадлежностями», другими словами, своей одеждой.

Женщина, сбежавшая от супруга, практически объявлялась вне закона. Муж мог принудить бедняжку вернуться и привлечь к ответственности людей, давших ей убежище. Он имел право насильно привезти жену домой, запереть в комнате или заключить в сумасшедший дом. Она оставалась под «опекой» мужа и страдала от своей недееспособности. Женщина не заключала контрактов, не получала кредит, не продавала и не покупала собственность. Если ей все же удавалось заработать деньги, ничто не могло помешать мужу отобрать их у нее. Собственность жены после свадьбы уже

перешла к супругу, сбежав же, она теряла и ту часть наследства, которую должна была получить, став вдовой.

Для неотягощенных богатством мужчин не представляло труда бросить свою вторую половину и создать семью с кем-то еще. Исчезнуть из семьи и никогда больше не появиться мужчине было несложно. Отряд вербовщиков во флот и армию мог взять его по желанию или насильно. Для некоторых военная служба была замечательной альтернативой браку.

Если мужчина не возвращался через семь лет, женщине позволялось снова выйти замуж. Но при этом возникали финансовые сложности. Имея возможность повторного замужества, многие среди бедных набожных женщин оставались одинокими и надеялись на помощь прихода. Но, например, в перенаселенном Лондоне приходы испытывали денежные трудности и потому прикладывали невероятные усилия по поиску и поимке ветреных мужей, заставляя их затем выполнять свои финансовые обязательства.

Женщины, вышедшие замуж тайно и не имевшие возможности доказать законность брака, сталкивались с большими трудностями при попытке получить от мужа средства на содержание.

В качестве последнего способа расторжения брака бедняки могли прибегнуть к публичному саморазводу, продаже супруги, заранее обговоренной сторонами. Обычно муж и человек, пожелавший купить его жену, договаривались о снятии с уже бывшего супруга всяких обязательств. Женщина могла стоить сколько угодно - от нескольких пенсов до 5 гиней. Как и при любой сделке, некоторая часть денег отдавалась рыночному клерку. Эта продажа позволяла снова вступить в брак каждому из бывших супругов. Незачем говорить, что все это считалось нелегальным с точки зрения и светского, и церковного суда, а также порицалось в прессе.

По странному стечению обстоятельств в государстве, где развод был запрещен, можно было заполучить его по специальному акту парламента,

который позволял разойтись законно и с правом заключения повторного брака. Такая возможность предоставлялась богатым и власть имущим, чьи жены, не исполнив долг по производству на свет наследника огромного состояния, завели романы на стороне.

И все же в привилегированных слоях общества узы брака представлялись вечными. Поэтому молодые мужчины не хотели прощаться с холостяцкой жизнью. Мужчин и так было меньше, чем женщин, да еще женились они с неохотой. Стародевичество стало новым социальным феноменом и вызвало общественную обеспокоенность. Брак считался сделкой, девственность - ценным товаром, следовательно, старые девы всего-навсего удерживали свое сокровище, никому его не продавая.

Вопрос стоял настолько серьезно, что родилась петиция, подписанная тремя тысячами незамужних девушек. «Нет нужды напоминать, с каким презрением сейчас относятся к браку, - начинается она, - каждый отвратительный писака города считает своим долгом создать кошмарный пасквиль на эту тему; женитьба выставляется напоказ в суде, высмеивается в театре, все это делается настолько часто, что о данном предмете больше ничего не хочется знать».¹

После революционных событий отношение к разводу, узаконенному во Франции в 1792 г., стало еще более настороженным. Некоторые англичане стали прямо связывать возможность получения развода и революцию, полагая, что от подрыва семейных устоев недалеко и до подрыва устоев государственных.

О том, чтобы разорвать брачные узы, не принято было даже говорить. Уиллоуби, герой романа Джейн Остин «Разум и чувство», женился на богатой наследнице, хотя любил Марианну Дэшвуд. Позже он размышлял вслух: «Марианна, конечно, потеряна для меня навеки. Даже если бы счастливый

¹ Уоллер М. Лондон, 1700 год. Смоленск. 2003. с. 83

случай вернул мне свободу...»¹. Элинон Дэшвуд в этом месте прерывает его, поскольку для нее очевидно, что он говорит не о разводе, а о смерти жены. Развод считался гораздо менее вероятным событием, чем вдовство.

Начиная с 50-х годов XIX в. английское семейное право претерпевает существенную эволюцию. В 1857 г. были изданы Законы о семейных отношениях, консолидирующие нормы статутного права, содержащиеся в ранее принятых актах парламента. Актом 1857 года (The Divorce Act of 1857) в семейном праве был узаконен развод, позволявший по желанию мужа или жены прекратить брачный союз, но правовые основания для этого у супругов различались. Так, для жены «простое прелюбодеяние» мужа не могло быть законным основанием развода, но муж мог требовать расторжения брака в случае «прелюбодеяния, совершенного женой после заключения брака». Закон позволял расторгнуть брак по инициативе жены только в случае «квалифицированного прелюбодеяния» мужа, связанного с двоеженством, кровосмесительством, жестоким обращением или оставлением супруги без уважительных причин на срок более двух лет².

Новый закон отчасти упростил процедуру расторжения брака, Хотя основания для развода остались прежними, для жен была предусмотрена важная уступка: разведенные или покинутые мужьями женщины отныне имели право частично распоряжаться своим имуществом. Тем не менее, процедура развода оставалась дорогостоящей (от 40 до 500 фунтов) и была доступна в основном среднему классу и аристократии. Рабочие зачастую бросали своих жен без каких-либо формальных процедур, а в сельской местности встречалась старинная форма развода: муж выводил жену на рыночную площадь и выставлял ее на торги. Купить сварливую супружницу мог любой желающий, хотя юридического веса такие процедуры не имели.

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С. 201.

² Shanley M.L. *Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England. 1850-1895.* Princeton, 1989. P. 304

В 1878 году женщинам был позволен развод по причине жестокого обращения мужа, а также опека над малолетними детьми. Но даже в конце XIX века развод губительно сказывался на репутации всех вовлеченных лиц, особенно если они занимали высокое положение в обществе. Об этом свидетельствуют два громких процесса.

Первый уничтожил карьеру сэра Чарльза Дилке, члена либеральной партии. Никто во всей Англии не сомневался в его добропорядочности, а соратники прочили сэру Чарльзу кресло премьер-министра. В 1886 году разразился скандал. Дональд Кроуфорд, тоже член парламента от либеральной партии, получил несколько анонимок, ставивших под вопрос добродетельность его жены. В конце концов он вызвал супругу на разговор. Хотя Вирджиния Кроуфорд яростно отрицала свою связь с капитаном, указанным в анонимке, она призналась, что несколько лет подряд изменяла мужу с Чарльзом Дилке. Возможно, таким образом она отводила подозрения от своего настоящего любовника. Так или иначе, мистер Кроуфорд подал на развод, а в качестве ответчика указал коллегу. И сэру Чарльзу пришлось присесть на скамью подсудимых.

Облик политика вырисовывался такой аморальный, что клейма негде ставить. Однако судья не поверил скабрзностям и вынес парадоксальный вердикт – мистер Кроуфорд получил развод на основании супружеской измены, а сэр Чарльз был оправдан. Публика зачесала затылки. Выходит, миссис Кроуфорд согрешила с Дилке, а он с ней нет? Как же так?

Карьера сэра Чарльза лежала в дымящихся руинах. В 1880-х годах, когда пуританские настроения были особенно сильны, таких промашек политикам не прощали.

В 1890 году история Чарльза Дилке уже утратила свежесть, как вдруг на политической арене вспыхнул новый скандал. В его эпицентре оказался не кто иной, как Чарльз Стюарт Парнелл, политический лидер ирландских

националистов. Несгибаемый Парнелл боролся за автономию Ирландии при сохранении над островом британского суверенитета.

Влияние Парнелла было настолько велико, что его окрестили «некоронованным королем Ирландии». На протяжении 10 лет Парнелл встречался с Кэти О’Шеа, женой своего же коллеги Уильяма О’Шеа. Муж закрывал глаза на их связь, хотя Кэти родила от любовника троих детей и проживала с ним в Брайтоне. В 1890 году чаша терпения О’Шеа вдруг переполнилась. Он подал на развод, нанеся по ходу сокрушительный удар ирландской освободительной борьбе – в качестве ответчика он назвал Парнелла. В конце концов союзники в Англии и Ирландии отреклись от Парнелла. Поражение последнего означало крушение надежд на ирландскую автономию. Хотя Парнелл все-таки женился на Кэти О’Шеа, их союз длился недолго - неприятности подорвали его здоровье и в 1891 году низложенный «король Ирландии» скончался от инфаркта¹.

Таким образом, можно прийти к заключению, что на протяжении долгого времени, несмотря на принятие ряда законов, регламентирующих брак и определяющих принципы, на основании которых он считался законным, четкого понимания процедуры по расторжению брака не существовало вплоть до середины XIX века.

Хотя акт лорда Хардвика привел к единому знаменателю споры о том, что может считаться законным браком, ситуация с разводами продолжала оставаться не столь однозначной. Акт о разводах был принят только в 1857 году, поэтому вплоть до этого времени они оставались недоступны абсолютному большинству англичан, включая дворян. После 1857 года основанием для раздельного проживания могли служить постановления судов по разводам, обращаться в которые могли на равных условиях оба супруга.

¹ Коути Е. Недобрая старая Англия URL:http://bookz.ru/authors/ekaterina-kouti/nedobraa_679/1-nedobraa_679.html

Супруги могли, наконец, просто по-тихому разъехаться, не привлекая к этому факту излишнего внимания, что зачастую и происходило.

Причиной, которая побуждала их выбирать последний способ, было не всегда одобрителное отношение общества к проживающим раздельно.

Глава 3. Семья в английском обществе середины XVIII до конца XIX вв.

3.1 Особенности супружеских и детско-родительских отношений в английской семье с середины XVIII до конца XIX вв.

Семья является объектом исследования многих общественных наук: истории, демографии, философии, социологии, права, культурологии и этики.

Достаточно часто понятия брака и семьи отождествляются, хотя данные термины не являются синонимами. Так, понятие семьи представляется как система, объединяющая не только супругов, но и их детей, других родственников или просто близких супругам и необходимых им людей. Тогда как брак – исторически сложившиеся разнообразные механизмы социального урегулирования отношений между мужчинами и женщинами, направленный на поддержание непрерывности жизни.

В период с середины XVIII до конца XIX века понятие семьи рассматривалось в трех основных аспектах, каждый из которых был наполнен собственными смыслами. Семья как союз, связанный кровно-брачными отношениями, - наиболее узкое определение, не требующее уточнений. В семье как домашнем хозяйстве, где в состав семьи входили не только родственники и лица, связанные брачными обстоятельствами, муж нес ответственность не только за жену и детей, но и проступки жены и слуг, так как считалось, что они действовали с его согласия и одобрения. Третье восприятие семьи представляет собой понимание семьи как рода с наличием долгой истории и большого количества предков.

Женщины, дети и слуги находились в подчиненном положении по отношению к мужчине, выполнявшему роль главы семейства. На долю мужчины приходилась роль главы семьи, общий контроль за деятельностью домохозяйства, управление имением, окончательное решение в случае

важных решений. Это положение дел ясно отражено в «Опыте о законе народонаселения» Т.Р. Мальтуса: «Законы природы установили, что ребенок находится на исключительном попечении родителей, а мать ребенка - на таком же попечении мужа»¹. Под попечением в данном случае можно понимать не только материальное обеспечение, но и заботу о других членах семьи, ответственность за них. В конечном итоге все эти функции должен был исполнять муж и отец.

В XVIII - XIX веках нередко были семьи, где один из супругов не был англичанином. Дети от браков с иностранцами считались правоспособными, если принимали англиканскую веру. В противном случае они не могли рассчитывать на обладание всеми гражданскими правами или наследством.

На долю мужчины приходилась роль главы семьи: общий контроль за деятельностью домохозяйства, управление имением, окончательные решения в случае крупных покупок. Если глава дома по какой-то причине не мог исполнять свои обязанности, обычно его место занимал другой родственник мужского пола.

В рамках понимания семьи как домашнего хозяйства на долю женщины выпадала роль экономки, подобную функцию могла исполнять не только мать семейства и жена хозяина, но и другая родственница женского пола.

Например, дворянин мог забрать для этой цели из пансиона дочь. Главным условием «правильного» ведения хозяйства было наличие в доме родственницы, исполнявшей функции, обычно принадлежавшие жене. Леди должны были распоряжаться обстановкой дома, ежедневными покупками, помогать больным, руководить слугами: нанимать на работу, рассчитываться с ними, следить за поведением и приобщать к христианским ценностям. Аристократки отнюдь не были освобождены от домашних обязанностей.

Незамужние девушки должны были помогать своим женатым родственникам по хозяйству, присматривать за детьми, принося таким

¹ Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. - Петрозаводск, 1993. С. 73.

образом пользу. Джейн Остин и ее сестра Кассандра в полной мере испытали на себе данное негласное правило: «Фрэнк и Мэри никак не могут одобрить твое отсутствие дома во время, когда нужно помочь им завершить покупки, и желают, чтобы я сказала, что, если тебя не будет, они это тебе припомнят и выберут все в таком стиле, каковой наиболее вероятно будет тебя раздражать: ножи, которые не будут резать, стаканы, которые не будут держать, диван без сиденья и книжный шкаф без полок»¹. Сестры периодически приезжали к своим братьям, Эдварду и Фрэнку, чтобы помочь им с домашним хозяйством. Несмотря на шуточный тон угрозы, высказанной в письме, ясно, что от незамужней родственницы ожидали прямого участия в хозяйственных делах, иначе зачем ей было расстраиваться из-за тупых ножей и плохой мебели. Фрэнк и Мэри не просят ее об одолжении, а воспринимают помощь как само собой разумеющуюся.

Так же само собой разумелось, что старшая дочь обязана занять место матери в качестве хозяйки дома, если та по какой-либо причине не могла исполнять свои обязанности. Такой случай произошел в романе «Гордость и предубеждение» со старшей дочерью Беннетов - Джейн, которая приняла на себя контроль за домашним хозяйством и заботы о младших детях в период болезни матери.

Героиня романа «Разум и чувство» Марианна Дэшвуд, вознамерившись навсегда изгнать из своего сердца образ Уиллоуби, женившегося на богатой наследнице, обнаруживает, что сделать это будет не так-то просто. Однако Марианна полна решимости: привязанность к Уиллоуби «будет сдерживаться религией, доводами рассудка, постоянными занятиями»². Стремление принести пользу семье и хозяйственные дела, которым она ранее уделяла мало времени, должны были, по мысли героини, не давать ей времени на воспоминания о минувших днях и пустые мечтания.

¹ Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии. М., 2010. С. 15.

² Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С. 211.

Для выявления, каким образом происходила социализация детей, понимая под жизненным укладом производство, воспроизводство и трансформацию социальных практик и условий жизни, необходимо проанализировать отношение к ребенку семьи и общества.

В английской семье второй половины XVIII в. в среднем было 6 - 7 детей¹, хотя это не предел: в некоторых семьях было по 12 детей². Это считалось вполне нормальным, даже желательным состоянием дел. Примером плодовитости может считаться брак короля Великобритании и Ирландии Георга III (1760 - 1820) и Шарлотты Мекленбург-Стерлицкой, в котором родилось 15 детей.

Количество детей, однако, постепенно снижалось, остановившись в начале XIX в. где-то на отметке 4 ребенка в семье³. Ситуация в какой-то мере объяснялась тем, что в то время шли постоянные войны с Францией и все опасались бунтов внутри страны и вторжения извне, в какой-то мере возросшей степенью ответственности родителей.

Производить на свет детей побуждали разные факторы, такие как желание сохранить собственность, передаваемую по наследству, в неприкосновенности; стремление продолжить мужскую линию рода; желание приобрести с помощью детей союзников, дополнительные доходы, например, выгодно выдав дочь замуж. Однако этим перечень причин не ограничивается. Дополнительным стимулом в состоятельных семьях могла стать скука, и тогда ребенка начинали рассматривать как забавную игрушку для родителей или старшего поколения. Еще один мотив заключался в желании оставить память о себе у потомков.

Рождение ребенка - особенный момент для его родителей. Однако восприятие этого события в XVIII - начале XIX века было окрашено в тона,

¹ Vickery A. *The Gentleman's Daughter. Women's Lives in Georgian England*. New Haven, L., 1998. P. 92.

² Tomalin C *The Life and Death of Mary Wollstonecraft*. N.Y., Scarborough, 1983. P. 48

³ Stone L., Fawtier Stone J.C. *An open elite? England 1540-1880*. Oxford, 1984. P. 129 - 135.

отличные от современных. В «Словаре» Джонсона деторождение определяется как «состояние женщины, рождающей ребенка, тяжелый труд, работа»¹. Во-первых, деторождение было сопряжено с большим риском, поскольку медицинская практика в тот период находилась не на слишком высоком уровне. Многие роженицы умирали².

С женщиной, пережившей тяготы деторождения, обращались как с тяжелобольной. Вторая причина отличного от современного восприятия родов кроется в том, что рождение детей в то время воспринималось как цель заключения брака. Уильям Блэкстон, описывая разновидности личных отношений, упоминает отношения «родителя и ребенка, которые происходят вследствие брака, поскольку являются его главной целью и предназначением...»³.

Естественно предположить, что рождение детей при таком взгляде на брачный союз рассматривалось как обязанность, долг супругов, особенно жены. Причем речь идет исключительно о детях, рожденных в законном браке. Однако общеизвестно, что в XVIII в. количество незаконнорожденных детей было весьма значительным. Появление незаконнорожденных детей в аристократической среде рассматривалось как «модный порок» и считалось вполне обыденным явлением.

До принятия закона лорда Хардвика 1753 г. было достаточно трудно определить, кого именно относить к категории незаконнорожденных, поскольку сам стандарт заключения брака не получил еще точного определения. Существовало различие между общей незаконнорожденностью, при которой родители ребенка вовсе не были женаты, и особой ее разновидностью, при которой родители, вне зависимости от того, были они

¹ Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820.

² Moore W. The Knife Man. L., 2005. P. 56.

³ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. In 2 vols. Vol. 1. Philadelphia, Lippincott, 1880. 480 P.

связаны брачными узами во время рождения ребенка или нет, позже женились¹. Во второй половине XVIII в. определение бастарда все еще не было уточнено. В английском обычном праве незаконнорожденные определялись как «ничьи сыновья», иногда их также называли «сыновья народа»². Соответственно, они не имели права наследования. Это объясняется тем, что таких детей не могли считать продолжателями рода, в то время как собственность, особенно земельная, должна была оставаться в руках потомков, имевших благородное и законное происхождение.

Отсюда отношение к появлению на свет незаконнорожденных детей, которое было достаточно легким и воспринималось не как радостное или позорное событие, а прежде всего, как появление дополнительной экономической обузы, ведь это дитя не могло рассчитывать на полноценное включение в род и наследование собственности. По мере взросления детей отношение родителей к незаконнорожденным могло меняться.

Что же касается дочерей и сыновей, рожденных в законном браке, то здесь ситуация была иной. Они воспринимались как полноправные члены семьи, способные в будущем принести ей пользу. Однако и в случае перспективы появления на свет законного ребенка не всегда отношение к этому событию было восторженным. Отношение к рождению девочек было более прохладным, поскольку в первую очередь дворяне были заинтересованы в появлении наследников мужского пола, способных продолжить род.

Даже если родители любили своих детей, открыто выражать свои чувства в Англии середины XVIII в. было не принято. Родители питали глубокие чувства к детям, но считали, что говорить об этом посторонним

¹ Macfarlane A. *Illegitimacy and illegitimates in English history // Bastardy and its Comparative History.* Arnold, 1980. P. 73.

² Blackstone W. *The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England.* L., 1796. 274 P.

неприлично. Возможно, то, что современные исследователи принимают за отсутствие заботы и чувств, было всего лишь сдерживанием эмоций.

Мистер Беннет в романе «Гордость и предубеждение» говорит: «Ни одна из моих дочек ничем особенно не примечательна, - ответил он. - Они столь же глупы и невежественны, как все другие девчонки в этом возрасте. Просто в Лиззи немножко больше толку, чем в ее сестрах»¹. При этом Лиззи является любимицей отца, и он искренне любит дочь.

Ситуация стала меняться к началу XIX века. Там, где переживающий смерть ребенка в начале XVIII века сослался бы на волю Божью и постарался поменьше выказывать чувства, противоречащие ей, человек конца XVIII века позволял своей скорби быть заметной, а эмоциям захлестнуть себя.

В конце XVIII - начале XIX вв. существовала общая тенденция к большему вниманию в отношении детей. В 1798 г. Джейн Остин могла написать своей сестре Кассандре следующее: «Я льщу себе мыслью, что маленький Дорди не забудет меня по крайней мере неделю. Поцелуй его за меня»². «Маленький Дорди» - племянник Джейн.

То, как воспринимали детей, влияло на воспитание, поскольку давало представление о природном состоянии ребенка. Можно выделить три основных способа восприятия ребенка в обществе: 1) дитя изначально «поражено грехом», который нужно из него изгнать путем правильного и жесткого воспитания; 2) ребенок при рождении не имеет ярко выраженных склонностей, из него можно вылепить все что угодно; 3) младенец изначально добр, только окружающая среда может способствовать появлению злых людей.

В качестве примера первой точки зрения можно привести методы воспитания пастора Броклхерста из романа Ш. Бронте «Джейн Эйр». Ради подавления в девочках богопротивного тщеславия Броклхерст приказывал

¹ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.4.

² Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии. М., 2010. С.15

остричь вьющиеся волосы, заставлял подолгу стоять на высоком табурете, запрещал остальным девочкам разговаривать с провинившейся, призывал избегать пышных нарядов и роскоши и т.д.

Второй точки зрения придерживался философ Джон Локк. В сочинении «Мысли о воспитании» он пишет о ребенке как о *tabula rasa* - чистая доска, призывая родителей развивать склонности малыша в правильном направлении.

Ребенка воспринимали не как личность, а как то, что из него сделали родители. Основной характеристикой ребенка является именно состояние «чистого листа», когда вся дальнейшая жизнь определяется тем, чему научили родители. Дитя изначально не имеет добрых или злых качеств, а становится носителем идей, заложенных в него в процессе воспитания.

Третий взгляд на ребенка высказал Жан-Жак Руссо. Его работы пользовались необычайной популярностью, многие читатели пытались следовать высказанным в них положениям на практике. Руссо считал, что в ребенке изначально заложены добрые склонности, которые родители должны всеми силами развивать, обращаясь с ним любя и ласково; по возможности, в удаленном от общества месте. Он полагал, что не следует сразу же пытаться навязать малышу взрослые правила и обучение: «Природа хочет... чтобы дети были детьми прежде, чем стать взрослыми». ¹ Правда, дело не столько в том, что малыш имеет свой внутренний мир и душевную организацию, а в следующем обстоятельстве «Разум начинает развиваться лишь через несколько лет после рождения ребенка, когда и тело его достигает известной силы»². Маленькому ребенку Руссо решительно отказывает в обладании разумом. Поэтому не стоит преувеличивать современность взглядов философа, хотя они, несомненно, были шагом вперед по сравнению с представлениями начала XVIII века.

¹ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Педагогические сочинения. В 2-х тт. Т. 2. С. 143

² Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Педагогические сочинения. В 2-х тт. Т. 2. С. 144

В XIX веке происходит переосмысление принципов воспитания. Полезной для ребенка считается не только дисциплина, но и свобода в часы, когда не проводились занятия. Забота о здоровье и учеба должны теперь не соперничать, а дополнять друг друга.

Для того чтобы понять, каково было образование и формы обучения в тот период, следует иметь представление о том, на воспитание какого человека они были нацелены. Мужской идеал представлял собой идеал джентльмена.

По этому поводу шли дискуссии. Первая точка зрения, характерная для аристократии XVIII века, говорит о том, что родовая честь была не менее, а подчас и более важна, чем личные достоинства. А другая понятие благородства связывает в первую очередь с личными качествами.

В словаре Джонсона джентльмен - человек, обладающий положением в обществе, приобретенным в силу происхождения, но не принадлежащий к знати¹. Честерфилд же не дает однозначной трактовки термина: «настоящий джентльмен соблюдает правила поведения в обращении со своим лакеем и даже с нищим на улице»². Джентльмен в данном контексте выступает как носитель определенных моральных качеств, соблюдающий правила светского этикета даже по отношению к слуге. Наличие последнего указывает, кстати, на определенное финансовое положение джентльмена.

Леди, представлявшая собой идеал женщины, также не имела четкой социальной принадлежности. Джонсон определяет этот термин не только как почетное звание, но и как вежливое обращение к женщине³. Очевидно, что женский идеал был предназначен для более широких социальных слоев, чем мужской. Это говорит о том, что женщин в тот период рассматривали как

¹ Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820.

² Честерфилд Ф.Д. Письма к сыну; Максимы; Характеры. Л. 1971. С. 175.

³ Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820.

единую группу, не разделяя совершенно четко их обязанности в зависимости от положения.

Человек, не умеющий вести себя в обществе, вряд ли мог отныне рассчитывать на то, что сможет завязать выгодные знакомства или подобрать удачную партию отпрыску.

Джентльмена во многом стала определять его манера поведения. В романе «Разум и чувство» главная героиня, Элинор Дэшвуд, описывала полковника Брэндона: «он умный, благовоспитанный, образованный человек с приятными манерами и, мне кажется, добрым сердцем»¹. Здесь джентльмен выступает в первую очередь как носитель определенных социокультурных качеств, а о происхождении речи не идет.

В XVIII веке изменилась направленность трактатов о воспитании. Если ранее упор делался на то, что есть, как сидеть, в каком возрасте начинать учить грамоту, то теперь фокус сместился на выбор рода занятий, профессии, книг для чтения, учителей; освещались новые педагогические методы². Можно сказать, что от тактических схем авторы трактатов перешли к разработке далеко идущих стратегических планов. Это подтверждает, что воспитание теперь имело большое значение в жизни людей.

Со всей уверенностью можно сказать, что воспитание приобретает все большее значение в жизни англичанина в XIX в.

Процесс обучения, а также его результаты не контролировались государством, это считалось частным делом родителей. На начальной стадии за детьми обоего пола присматривали домашние слуги, контролируемые матерью³.

Первые начатки образования дети обоего пола получали в семье. Их должны были хотя бы научить читать и писать. Обычно мать выступала в

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С. 31

² Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 389.

³ Davidoff L. The Family in Britain // The Cambridge Social History of Britain: 1750-1950. In 3 vols. Vol. 2. People and their Environment. L., Cambridge, 1990. P. 77.

роли первого учителя, как можно увидеть на примере миссис Беннет в романе «Гордость и предубеждение». Принимать участие в раннем обучении детей могли оба родителя.

Примерно к 7 годам, для детей нанимали домашних учителей, либо отправляли их в пансион. Следует заметить, что эта практика в основном касалась мальчиков. При этом многие отдавали предпочтение частным педагогам, как это сделали родители братьев Феррарс, о чем говорит один из них: «Почему вы допустили, чтобы мой дядюшка, сэр Роберт, против вашей же воли, убедил вас поручить Эдварда заботам частного учителя в самую решающую пору его жизни? Пошли вы его не к мистеру Прэтту, а в Вестминстер, как послали меня»¹.

Девочки получали более слабое образование, чем мальчики. Под «ученой дамой» могли понимать как действительно образованную, так и едва умевшую писать посредственные стишки женщину.

Джейн Остин отобразила подобные взгляды со свойственной ей иронией: «Но Кэтрин не знала своих преимуществ - не знала, что красивая девушка с отзывчивым сердцем и невежественным умом не может не привлечь умного молодого человека, если только обстоятельства не будут особенно неблагоприятны»². Можно видеть, что основным аргументом противников женского образования была непривлекательность ученой леди для потенциальных женихов. Такой женщине, если уж ей не посчастливилось ограничиться стандартной программой обучения, надлежало усиленно скрывать порок образованности, если она питала надежду когда-либо выйти замуж.

Яркие примеры отношения англичан к проблеме женского образования представляет женская литература, расцвет которой в XIX столетии демонстрирует процесс осмысления британскими интеллектуалками своих

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С.151.

² Остин Дж. Нортенгерское аббатство. Пермь, 2013. С. 88.

прав и привилегий, равно как и ограничений, наложенных на их судьбу принадлежностью к «слабому полу».

В романе Джейн Остен «Гордость и предубеждение» между героями возникает спор по поводу определения «образованная леди». Чарльз Бингли утверждает, что все молодые леди «рисуют пейзажи, раскрашивают экраны и вяжут кошельки»¹, в то время как, по мнению его сестры, «по-настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка – иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину»². Один из центральных героев романа мистер Дарси, заметивший, что «не мог бы похвастаться, что среди знакомых... женщин наберется больше пяти-шести образованных по-настоящему», к списку всех качеств, предложенных мисс Бингли, добавил «нечто более существенное – развитый обширным чтением ум», а главная героиня, Элизабет Беннет, резюмировала спор утверждением, что «никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые были... перечислены»³. Следует согласиться с автором романа и ее героиней в том, что созданный образ является идеалом, к которому стремились все девушки. Уже одно то, что положительными героинями этого романа, торжествующими в его финале, являются старшие сестры Беннет – чрезвычайно начитанные молодые леди, которых Остен делает по характеру и образу мышления похожими на их отца мистера Беннета, который, как видно из романа, был действительно образованным человеком, дает основания говорить о комплексности (по Локку) воспитания и образования молодых дам во времена Остин.

¹ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.33.

² Там же, С.33.

³ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.34.

Многие женщины высших слоев общества могли всю свою жизнь заниматься самообразованием. В домах с хорошей библиотекой они получали возможность узнать много нового для себя и часто не пренебрегали этим. В том же романе Джейн Остин показывает, как приехавшая в Незерфилд навестить свою больную сестру Джейн мисс Беннет предпочла играм чтение, чем удивила многих: «Мистер Херст посмотрел на нее с удивлением: – Вы картам предпочитаете чтение? – спросил он. – Странно!»¹.

Марианна Дэшвуд из романа Остен «Чувство и чувствительность» читала Уильяма Каупера и Джеймса Томсона, английских поэтов-сентименталистов, а также Вальтера Скотта. Один из главных героев, Эдвард Феррарс, сказал о ней так: «А книги! Томсон, Каупер, Скотт – она покупала бы их без устали, скупала бы все экземпляры, лишь бы они не попали в недостойные руки!»².

Английские девочки из состоятельных семей имели возможность получить образование, если того хотели родители. В основном девочек обучали гувернантки. В литературе мы можем увидеть довольно частые упоминания о них.

Наиболее известными гувернантками в английской литературе можно назвать Джейн Эйр, героиню одноименного романа Шарлотты Бронте, вышедшего в 1847 г., и Бекки Шарп из «Ярмарки тщеславия» (1847 - 1848) Уильяма Теккерея.

Женское образование было скорее нацелено на то, чтобы девушка могла поддержать светскую беседу, имела некоторые навыки управления домашним хозяйством и была привлекательна в глазах потенциальных женихов.

Уровень получаемого образования во многом зависел от положения семьи. Для девочек из семей небогатого провинциального дворянства было достаточно научиться читать, писать и работать иглой. В аристократических

¹ Там же. С.33

² Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С.56.

же семьях список изучаемых предметов значительно расширился, в него добавлялись география, рисование, римская история, английская история, мифология, изучение металлов, планет и выдающихся философов. Во многом такое отличие было связано, как можно предположить, с тем, что в кругу сельских сквайров и на аристократических приемах к разговору и уровню эрудиции применялись разные стандарты. Высшее образование для женщин стало доступно лишь во второй половине XIX в.

Для мальчиков из дворянских семей обучение в университете было почти обязательным социальным требованием и означало переход в качественно иное, взрослое состояние, но предметы не давали какого-то специального, ориентированного на будущую профессию подхода. У джентльмена не было определенной сферы профессиональной деятельности, для которой он бы получал специальное образование; он должен был являть собой образец совершенства решительно во всем. Все же можно сказать, что из джентльмена должен был получиться выдающийся государственный муж, знаток искусств и светский кавалер.

После завершения образования для молодых людей, воспитанных в духе дворянских идеалов, наступала пора вступления в брак, что открывало новый этап в жизни.

Долг перед семьей является основополагающей ценностью способа восприятия семьи. Разумеется, понимание долга было достаточно широким. Под ним подразумевался как долг индивида по отношению к семье в целом, так и менее глобальные вещи, например, долг детей по отношению к родителям.

В речи генерального атторнея Райдера, открывавшей в 1753 г. дебаты по биллю о предотвращении тайных браков, он отмечал, что от этого зла страдают семьи даже в самом высшем обществе, однако этого не должно было бы происходить, если принять во внимание «...долг и уважение, которое детям следует выказывать по отношению к своим родителям; и... потакание и

привязанность, которые родителям следует иметь к своим детям...»¹. В данном случае под долгом понимается повиновение родителям, учет интересов семьи при вступлении в брак. Понимание долга воспитывали с детства. Дети понимали, что сыновняя покорность представляет собой долг ребенка по отношению к родителю и семье в целом, даже если родитель ошибается в суждениях.

Долг перед семьей состоял также в том, чтобы своим браком способствовать ее дальнейшему процветанию. Желание привести в дом женщину, достойную древнего и благородного рода мужа, было основой выбора невесты во многих случаях. Более того, стремление завести семью часто диктовалось необходимостью продолжить род.

От дочерей дворян ожидали выгодного замужества, укрепляющего связи и социальный статус рода. Однако были случаи, когда общество не осуждало поведение девушек, не связавших себя матримониальными обязательствами, например, если девушка посвящала себя воспитанию младших сестер или братьев-сирот, если она отказывалась от брака, чтобы оставить состояние брату или племяннику для продолжения фамилии². Другими словами, извиняющими обстоятельствами могло служить принесение собственного брака в жертву семейным интересам.

Весьма важным было сохранить фамилию рода и для этого шли на различные ухищрения. Например, если жених был выше по положению и женился на богатой, но не столь знатной наследнице, то в качестве имени старшему сыну могли дать фамилию жены. Если же выше по социальному статусу оказывалась невеста, то обычной практикой для будущего мужа было взять фамилию жены. Возможен был и компромисс, когда фамилии обоих писались через дефис. Зачастую смена фамилии могла быть условием получения наследства или женитьбы, поскольку представители более

¹ The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. P. 2.

² Любарт М.К. Семья в английском обществе: XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 2005. С. 96.

высокого по положению рода хотели, чтобы приходящий к ним был полностью интегрирован в род.

Долгом считалось сохранение родового поместья. Родовое поместье нужно было сохранить любой ценой, поскольку от этого зависел статус семьи. Приоритет в вопросе наследования отдавался мальчикам. Если прямых наследников мужского пола не было, начинался поиск двоюродных братьев, племянников и так далее. Объяснялось это просто: когда дочь выйдет замуж, поместье вместе с ней отойдет в другой род. Чтобы избежать этого, искали обходные пути.

Место старшего в роду не могло пустовать, иначе это могло привести к разорению и даже утрате фамильного поместья и склокам среди родственников.

Зачастую, однако, трудно было определить, кто же в роду имеет больше полномочий, и на что они распространяются. Вопрос о том, насколько представление о долге как о базовой ценности семейной жизни сочеталось с понятием личного счастья и выгоды, таким образом, не всегда имел четкий ответ.

Вопрос о том, насколько долг по отношению к семье должен определять ее поведение задавала себе Марианна Дэшвуд, героиня романа «Разум и чувство»: «Оглядываясь на мое прошлое, я видела там пренебрежение долгом или потакание слабостям»¹. Эти мысли пришли к ней во время болезни, вызванной разрывом с офицером Уиллоуби. До этого момента девушка не заботилась о своей репутации или о положении семьи. Ведя себя эгоистично, она своим поведением давала понять окружающим, что Уиллоуби сделал ей предложение, хотя это было не так; ее поступки, таким образом, были лишены благоразумия и осторожности. К концу романа Марианна приходит к мысли о том, что долг по отношению к семье необходимо ставить выше сиюминутных личных удовольствий. Ярko показано столкновение разных

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014. С. 210.

точек зрения на долг перед семьей в романе «Гордость и предубеждение» Джейн Остин. Когда леди Кэтрин де Бург приезжает к Элизабет Беннет, чтобы запретить ей принимать ухаживания своего племянника, мистера Дарси, она апеллирует к тому, что у него есть «...свой долг перед собой и своей семьей»¹, имея в виду, что он не должен уронить своего высокого положения в обществе женитьбой на девушке, чей род не имел древнего и благородного происхождения. Под долгом перед семьей понимался запланированный леди Кэтрин и матерью мистера Дарси брак между их детьми. Элизабет Беннет не считает, что это обстоятельство налагает какие-то обязательства на Дарси, а потому он вправе выбрать себе спутницу жизни самостоятельно, не нарушая долга перед семьей.

Брачные планы в тех слоях общества, которые имели крупную или среднюю собственность, играли огромную роль и строились в основном родителями.

В случаях неисполнения детьми своего долга, особенно когда были замешаны крупные финансовые расчеты, в ход пускались самые крайние меры. Детям, если они жили отдельно от родителей, посылались письма с угрозами лишения наследства, и нередко эти угрозы осуществлялись; в своем же доме их могли подвергнуть подлинному заточению; применяли даже телесные наказания; и если они все же проявляли неповиновение и вступали в брак по своей воле, то требовали от пасторов признания незаконным проведения брачной церемонии.

Те же, кто избирал своих брачных партнеров, исходя из духа «сыновьего» послушания, обращались за указаниями не только к родителям, но даже к своим непосредственным начальникам по службе.

Зачастую дети, воспитывавшиеся в домах своих родственников при живом овдовевшем отце, что было нередко в XVII-XIX вв., становились перед трудноразрешимой задачей: слушать отца или мать, от которых они

¹ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С. 287.

жили отдельно, но ожидали наследства, или слушать тех родственников, в доме которых они выросли. В таких случаях мотивом принятия того или иного решения опять-таки являлись финансовые расчеты: у кого больше наследуемого имущества, какие прибыли принесет брачный партнер и т. п. О любви или о привязанности, естественно, в данных обстоятельствах не могло быть и речи. Лишь один довод против будущего брачного партнера мог выдвигаться со стороны детей - иное вероисповедание¹.

В фермерских зажиточных кругах в период с XVIII в. до 80-х годов XIX в. существовал строгий контроль родителей или опекунов над выбором детьми брачного партнера. Наиболее ясно он прослеживается, например, по таким прижизненным завещаниям: «Моей дочери Мэрджери я даю 60 овец при браке с Эдвардом, сыном Рейнольда Шэфту из Токерингтона»². Подобные завещания составлялись и у более или менее зажиточного слоя ремесленников, т. е. в кругах мелкой буржуазии³.

В неимущих слоях общества свобода выбора брачного партнера на протяжении всех веков вплоть до начала XX в. была неограниченная, поскольку над детьми не довлела экономическая власть родителей; они рано покидали дом и таким образом были лишены родительского надзора. Но это не означает, что при создании брачных союзов у них не было никаких препятствий. Им следовало приобрести какую-либо профессию и накопить достаточно средств для поддержания будущей семьи. Эмоции, здесь, как и в кругах зажиточных англичан, играли очень маленькую роль, уступая место коммерческим расчетам⁴.

В Англии было не принято помогать своим детям до старости, поскольку люди, образовавшие свою семью, уже считались вполне взрослыми и

¹ Proceedings of the Society of Antiquaries of Newcastle-upon-Tyne. 1904. Vol. 1. Ser. 3. P. 149-153.

² Harrington J. The Commonwealth of Oceana. L., 1887. P. 114; Stone L., Fawtier Stone J.C. An open elite? England 1540-1880. Oxford, 1984. P. 595-596.

³ Life of Adam Martindale // Chetham Society. 1845. Vol. 4. Ser. 1. P. 16.

⁴ Shorter E. The Making of the Modern Family. N. Y., 1975. P. 146; Braun R. Op. cit. P. 55.

самостоятельными и несли ответственность сами за себя. Эта традиция сохраняется в английском обществе по сей день.

Свобода выбора брачного партнера, постепенно развившаяся на протяжении XVIII-XIX вв., в большей мере относилась к мужчинам, нежели к женщинам. Дочерей воспитывали в строго англиканской традиции, и послушание было первейшим дочерним долгом. Даже если невеста откровенно ненавидела жениха, ей настойчиво внушали, что ее долг «подчиняться» - слово, которое и поныне звучит из уст женщины в Великобритании при венчании в церкви. При полном исполнении воли родителей или опекунов в деле заключения брачного союза возникали так называемые типичные стандартные браки, построенные на коммерческой основе.

Проанализировав источники содержащие сведения о детско-родительских отношениях того времени нами обнаружены следующие факты, с течением времени наблюдается смягчение в области отношения к таким вопросам как отношение к незаконнорожденным детям, оно изменилось с изначального - негативного к приемлемому, а в аристократической среде, воспринималось как должное и носило наименование «модного порока». Женщины, дети и слуги находились в подчиненном положении по отношению к мужчине, выполнявшему роль главы семейства.

Но, несмотря на изменения в отношении со стороны общества, внутри семьи отношения остались сугубо прагматичными, так незаконнорожденные дети не могли являться наследниками и зачастую являлись, так называемой экономической обузой для родителя.

Несмотря на прогрессивность суждений и примеров изменения сознания англичан в вопросах семейных отношений, по-прежнему остаются актуальными и важными вопросы послушания, долга, сохранения фамилии рода и родового поместья.

3.2 Положение женщины в браке в Англии с середины XVIII- конца XIX вв.

Юридическое положение членов семьи было тесно связано с имущественным. Согласно английскому законодательству в XVIII веке, все имущество женщины после заключения брака переходило под управление ее мужа. Относительно личного имущества правило было простым: «методом приобрести имущество в товарах или личное движимое имущество является брак, посредством которого то имущество, которое ранее принадлежало жене, по действию закона переходит в собственность мужа с той же степенью права собственности и правоспособностью, которые жена, когда не была замужем, имела над ним»¹. Проще говоря, мужья могли делать с данным имуществом все, что угодно: продать, завещать, подарить или испортить. Единственным личным имуществом, на которое имела право жена (правда, после смерти мужа), были ее платья и украшения. Муж не мог продать ее земли, но полностью распоряжался доходами с них.

Традиционно женщина имела некоторые права. Например, муж должен был выделять ей так называемые «деньги на булавки»², которые она могла тратить по своему усмотрению. В случае смерти мужа к вдове возвращалось право распоряжаться собственным недвижимым имуществом, поскольку она вновь обретала существование в глазах закона после смерти супруга. Также вдова по обычному праву могла претендовать на часть земель покойного, обычно треть, которую у нее не могли отсудить даже законные наследники мужского пола. Эта часть передавалась в пожизненное пользование³. Вторая форма получения вдовой части составлялась на основании заключенного письменного соглашения между супругами, размер земель, отходящих

¹ Blackstone W. The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England. L., 1796. 274 P.

² Rogers T. The Economic Interpretation of History. L., 1888. P. 163.

³ Blackstone W. The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England. L., 1796. 274 P.

последней, был фиксированным, и вдова могла вступить во владение немедленно после смерти супруга, а не ждать раздела с наследником. Но, если заключалось подобное соглашение, она автоматически теряла право на треть земель мужа; другими причинами утраты этого права могли стать побег с другим мужчиной, развод; то, что она была иностранкой; совершение государственной измены мужем; сокрытие документов по имуществу от законного наследника, а также если по вине жены на земли был наложен штраф или взыскание¹.

Интересы детей вдовья доля затрагивала в любом случае, поэтому жены почти всегда предпочитали заранее ее определить, нежели ждать разбирательств с наследником. Муж по обычному праву в случае, если в браке были дети, также мог претендовать на долю вдовца включавшую в себя все земли жены, если их судьба не была специально оговорена в брачном контракте.

Жена также могла отстоять свои права с помощью судов, рассматривавших дела на основе права Справедливости. Судебным органом в этом случае становился суд лорда-канцлера.

Согласно установлениям права Справедливости, жена могла иметь отдельное имущество в браке, для чего ей нужно было при заключении брака оформить контракт с доверенным лицом, которому она передавала собственность в управление. Блэкстон писал на этот счет: «По гражданскому закону муж и жена считаются двумя разными лицами и могут иметь отдельное имущество, контракты, долги и ущемления прав, и потому в наших церковных судах женщина может подавать иск и выступать ответчиком без своего мужа»². Однако данная система имела существенный недостаток: рассмотрение дела в суде происходило крайне долго и требовало больших

¹ Blackstone W. The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England. L., 1796.

² Blackstone W. The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England. L., 1796. 274 P

финансовых затрат. Для составления брачного контракта требовалось иметь собственность на сумму свыше нескольких сотен фунтов, оформление бумаг стоило еще сотню. Это говорит о том, что данная операция была доступна далеко не всем желающим, а лишь представителям имущих слоев.

В договоре оговаривалось множество вещей: сколько денег будет получать жена на расходы, сколько ей будет выплачивать семья мужа, если она останется вдовой; могли заранее распределяться части наследства между детьми, способы управления землями жены, и множество других условий, как, например, пункт о том, где жена должна рожать детей.

Наравне с детьми, женщины оставались самыми бесправными членами общества. Замужняя дама не имела права заключать контракт от своего лица, распоряжаться имуществом или представлять себя в суде. Подобное бесправие иногда приводило к всевозможным казусам. Например, в 1870 году воришка стянул кошелек у Миллисент Гаррет Фосетт, суфражистки и жены либерального члена парламента. Когда женщину пригласили в зал суда, она услышала, что вора обвиняют в «краже у Миллисент Фосетт кошелька с 18 фунтами 6 пенсами, являющегося собственностью Генри Фосетта». Как сказала пострадавшая: «Мне казалось, будто меня саму обвиняют в воровстве». Правовая грамотность была настолько низкой, что многие женщины узнавали об отсутствии прав, лишь когда дело доходило до судебных разбирательств. До тех же пор они считали, что уж в их-то жизни все благополучно и беда обойдет их стороной.

Бесправие женщины проявлялось еще и в том, что она не могла распоряжаться собственными заработками. Казалось бы, все не так страшно – пускай кладет честно заработанные деньги в общий котел. Но реальность была куда мрачнее. Некая дама, проживавшая на севере Англии, открыла ателье, после того как ее муж потерпел крах в делах. Много лет супруги жили безбедно на доходы от этого заведения, но после смерти мужа предприимчивую портниху ожидал сюрприз: оказывается, покойный завещал

всю ее собственность своим незаконнорожденным детям. Женщина осталась прозябать в нищете. В другом случае женщина, брошенная мужем, открыла собственную прачечную, а заработанные деньги хранила в банке. Прослышав, что у жены дела пошли в гору, изменник отправился в банк и снял с ее счета все до последнего пенса. Он был в своем праве.

Супруг мог отправиться к нанимателю своей жены и потребовать, чтобы ее жалованье выплачивали непосредственно ему. Так поступил муж актрисы Джулии Гловер, который оставил ее вместе с маленькими детьми в 1840 году, но объявился позже, когда она уже блистала на сцене. Поначалу директор театра отказался выполнить его требование, и дело было передано в суд. Выразив сожаление, судья все же вынес решение в пользу мужа, потому что права последнего защищал закон.

Помимо финансовой, существовала и еще более мучительная зависимость – отсутствие прав на детей. Рожденный в браке ребенок фактически принадлежал своему отцу (в то время как за незаконнорожденного несла ответственность мать). При разводе или раздельном проживании ребенок оставался с отцом или с опекуном, опять же назначенным отцом. Матерям разрешались редкие свидания. Разделению матерей и детей сопутствовали душераздирающие сцены. Так в 1872 году преподобный Генри Ньюэнхэм обратился в суд с ходатайством об опеке над своими дочерьми, которые проживали с их матерью, леди Хеленой Ньюэнхэм, и дедушкой, лордом Маунткэшлом. Поскольку старшая дочь уже достигла 16 лет, она могла принимать самостоятельные решения и предпочла остаться с матерью. Но судья распорядился, чтобы младшую, семилетнюю девочку, передали отцу. Когда судебный исполнитель привел ее в зал, она кричала и вырывалась, повторяя: «Не отсылайте меня. Когда я вновь увижу маму?» Судья заверил, что мама будет видеться с ней очень часто, а когда малышка спросила: «Каждый день?», он ответил утвердительно. Однако лорд Маунткэшл, присутствовавший при этой сцене, заявил: «Учитывая то, что я

знаю, вряд ли это получится. Он (т. е. зять) настоящий дьявол». Тем не менее рыдающую девочку передали отцу, который унес ее из зала суда. Статья в газете, посвященная возмутительному делу, растрогала многих матерей, которые даже не подозревали о существовании таких законов.

Чтобы защитить своего ребенка, женщина могла попытаться затеять судебный процесс или же просто сгрести его в охапку и пуститься в бега. Последний путь выбирали чаще, но он был опаснее. Реальным примером битвы за детей является случай с Каролиной Нортон. Красавица Каролина в 18 лет вышла замуж за аристократа Джорджа Нортон. Ее муж не только обладал невыносимым характером, но был еще и юристом, так что прекрасно разбирался в своих правах. В течение 9 лет он регулярно избивал ее. Причем в некоторых случаях Каролина убегала в отчий дом, и тогда Нортон умолял о прощении, и ей не оставалось ничего иного, как вновь с ним воссоединиться. На карте стояло благополучие сыновей, которые по закону должны были оставаться с отцом. Мужу постоянно не хватало денег, и миссис Нортон стала неплохо зарабатывать литературной деятельностью – редактировала дамские журналы, писала стихи, пьесы и романы. Все гонорары шли на домашние нужды.

В конце 1835 года, когда избитая Каролина гостила у родственников, Нортон отослал сыновей к своей двоюродной сестре и запретил жене с ними видеться. Затем он подал иск против премьер-министра лорда Мельбурна, обвиняя его в любовной связи с Каролиной. Тем самым он надеялся отсудить хоть сколько-нибудь денег, но, ввиду отсутствия доказательств, дело было закрыто. Супруги разъехались, но Джордж отказался сообщить жене, где находятся их дети. Он уклонился от законов, разрешавших матери хоть изредка навещать детей, уехав в Шотландию, куда не распространялась юрисдикция английского суда.

Каролина не сдалась. Она начала кампанию с целью изменить правила опеки над несовершеннолетними. Отчасти благодаря ее усилиям в 1839 году

парламент принял акт, разрешавший женщинам опеку над детьми до семи лет (женщины, виновные в прелюбодеянии, утрачивали эти права). К сожалению, когда закон все же был принят, один из сыновей Каролины Нортон уже умер от столбняка. Мальчик проболел целую неделю, прежде чем Джордж удосужился известить жену. Когда она приехала, то нашла сына уже в гробу. Акт 1839 года позволял женщинам видеться со своими детьми, но в завещании муж имел право назначить опекуна по своему усмотрению. Иными словами, даже после смерти супруга-тирана женщина не могла забрать детей. Только в 1886 году был принят Акт об опеке над несовершеннолетними, принимавший во внимание благополучие ребенка. Отныне у матери появилось право опеки над детьми, а также возможность стать единственным опекуном после кончины мужа.

Помимо психологического и финансового давления, мужа не брезговали и физическим насилием. Колотили своих жен представители разных сословий. Избиение жены считалось делом заурядным. Широко известно выражение «rule of thumb» («правило большого пальца»), В экономике – это правило принятия решений, исходя из лучшего, имеющегося на данный момент варианта. В других случаях, «правило большого пальца» обозначает упрощенную процедуру или же принятие решений, основанных не на точных, а на приблизительных данных. Считается, что эта фраза восходит к судебному решению сэра Фрэнсиса Буллера. В 1782 году он постановил, что муж имеет право бить жену, если палка, применяемая для вразумления, не толще большого пальца. В некоторых случаях родственники жены пытались защитить ее от деспота, но материальные соображения часто превалировали над моральными. В 1850 году лорд Джон Бересфорд так сильно избил свою жену Кристину, что ее братья сочли нужным заступиться. По прибытии в имение Бересфорда они узнали, что его брат, маркиз Уотерфорд, только что сломал шею на охоте, так что титул переходит к

Джону. В конце концов они развернулись на 180 градусов и убедили сестру терпеть побои в обмен на титул маркизы.

Частым поводом для побоев была слишком тесная дружба с соседками. Мужья часто объясняли в суде, что были вынуждены колотить жен, чтобы удержать их от общения с другими женщинами, в частности с их сестрами и матерями.

В 1854 году был принят Акт о предотвращении нападений на женщин и детей, благодаря которому мировые судьи могли сами разрешать дела, связанные с избиениями. Прежде подобные дела направлялись в вышестоящий суд. Но помня, что «милые бранятся – только тешатся», судьи со снисходительной улыбкой выслушивали избитых жен. Один судья посоветовал жертве нападения больше не раздражать мужа. Другой отказался выносить приговор, пока не удостоверится, заслужила ли женщина побоев своим брюзжанием или же муж поколотил ее без вины.

Жизнь женщины ценилась невысоко. В 1862 году богатого фермера из Кента, майора Муртона, обвинили в том, что он до смерти забил жену, когда она не позволила ему привести в дом двух проституток. Приговаривая Муртона к 3 годам тюремного заключения, судья сказал: «Я знаю, что это будет суровым наказанием, потому что прежде вы занимали высокое положение в обществе». Муртон был потрясен бесчеловечным приговором. «Но я всегда был так щедр с ней!» – воскликнул он. В 1877 году Томас Харлоу убил жену одним ударом за то, что она отказалась купить ему выпивку на деньги, заработанные уличной торговлей. Судья признал его виновным, но смягчил приговор в силу того, что Харлоу был спровоцирован. С другой стороны, когда на скамье подсудимых оказывалась мужеубийца, на милость она могла не рассчитывать. В 1869 году Сьюзан Палмер зарезала своего мужа, который избивал ее на протяжении 10 лет. Отчаявшись, женщина забрала детей и сбежала в надежде начать жизнь заново. Палмер отыскал беглянку, отнял и перепродал все ее имущество. Тогда она бросилась

на него с ножом. Женщину приговорили к длительному тюремному заключению, и никому не пришло в голову, что ее тоже спровоцировали¹.

Весьма интересны были существовавшие тогда правила наследования имущества. Мужчины имели здесь неоспоримый приоритет: мужское потомство должно было быть допущено к наследству прежде женского. Женщина не могла передавать по наследству титул, если только на этот случай не было специального королевского указа. Закон априори полагает, что земли были получены от мужчины, поскольку тот является основным добытчиком средств семьи и в нем воплощается юридическое существование членов последней.

Женщины становились наследницами по общему праву в том случае, когда других вариантов просто не было. Но даже среди тех из них, кто имел право на наследование согласно общему праву, реально вступила в свои права в XVIII в. только третья часть. Приоритет при наследовании земли явно получали потомки по мужской линии. Эта проблема возникла у героинь романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение»: «Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносившем две тысячи фунтов годового дохода. На беду его дочерей, имение это наследовалось по мужской линии и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем»². В данном случае дочери не могли получить права наследования, пока имелись родственники (пусть даже дальние) мужского пола. Выходом из этой ситуации для них могло стать лишь удачное замужество, которое обеспечило бы им достойное существование. Тяжелая ситуация, в которую попали сестры Дэшвуд, героини романа Джейн Остин «Разум и чувство»,

¹ Коути Е. Недобрая старая Англия [Электронный ресурс]. - http://bookz.ru/authors/ekaterina-kouti/nedobraa_679/1-nedobraa_679.html

² Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.23

также была обусловлена особенностями английского законодательства. У мистера Генри Дэшвуда было два брака. Все имущество досталось его сыну от первого брака, который получил также наследство от дяди, а вдова с дочерьми остались ни с чем. Ситуация усугублялась тем, что земли Дэшвудов были приобретены по линии его жены¹, то есть мистер Дэшвуд являлся не их владельцем, а всего лишь имел право на ренту с них во время своей жизни, поэтому не мог что-либо завещать дочерям.

Если наследников мужского пола было несколько, то все получал старший. Женщины же должны были делить наследство поровну. Мужчины считались продолжателями традиций рода, поэтому им отдавался приоритет при наследовании. Этим же было обусловлено неравенство в положении детей: старший сын продолжал основную линию, поэтому получал всю земельную собственность, а младшие могли основать собственные боковые ответвления. Дочери вообще уходили в другой род, им не передавался титул, поэтому они получали наследство во вторую очередь и ни одна не имела приоритета.

В Англии практиковалось так называемое «строгое соглашение». Оно представляло собой передачу земли первому внуку от старшего сына. Сын же в этом смысле играл всего лишь роль доверенного лица². Такой способ наследования был довольно гибким, поскольку договор на передачу права собственности внуку, а управления - сыну нужно было продлевать, что обычно происходило при смене поколений; в этот момент условия соглашения можно было изменить. Таким образом обеспечивалось сохранение поместья в роду и преемственность поколений. И все же почти половина английских землевладельцев прибегала к «строгому соглашению» в XIX веке. При этом владелец мог распоряжаться принадлежащей ему землей,

¹ Остин Дж. Чувство и чувствительность. СПб., 2014.

² Bonfield L. Marriage Settlements, 1660 - 1740: the Adoption of the Strict Settlement in Kent and Northamptonshire // Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage. N.Y., 1982. P. 112.

не находящейся в «строгом соглашении», самостоятельно, чем, очевидно, пользовалась оставшаяся половина.

Но это все случаи наследования земель по общему праву, которое вступало в силу, если умерший хозяин не оставил завещания. Если последняя воля была зафиксирована нотариально, она имела приоритет согласно Статуту о завещаниях 1540 года¹.

Наиболее престижными считались прибыли, получаемые с принадлежавших дворянам земель. Например, Джейн Остин так описывает положение мистера Бингли, героя романа «Гордость и предубеждение»: «Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но своей мечты так и не осуществил. Сам мистер Бингли тоже питал в душе такое намерение». Мистеру Бингли вряд ли пришло бы в голову открыть собственное дело и приумножить доставшиеся в наследство капиталы. Про сестер его было сказано: «Родились они в почтенной семье, происходившей из Северной Англии, – обстоятельство, запечатлевшееся в их памяти более глубоко, чем то, что своим богатством они были обязаны торговле»².

Одной из основ домашнего хозяйства являлось распределение ролей в семье. Каждому члену семьи отводилась определенная функция. Идеальное поведение английской женщины предполагало подчинение интересу и удобству родителя, мужа или другого близкого родственника. Причем подчинение это должно было быть добровольным и осуществляться с радостью. На первом месте для женщины должен был стоять долг перед семьей, ради которого она должна была «растворить» свои интересы в общесемейных. В начале XIX в. все большее значение для леди приобретает функция хранительницы моральных устоев.

¹ Chan M., Wright N.E. Op. cit. P. 164.

² Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С.13.

Символами репрезентации женственности становились покорность и добродетельность, причем принципы женственности излагались в специальных книгах, предписывавших женщине некий «поведенческий кодекс», состоявший в симбиозе морально-нравственных и практических рекомендаций по ведению домашнего хозяйства, связанных между собой и взаимно дополнявших друг друга. Абсолютное самоотречение и доброта сочетались с домашними делами (забота о чистоте постельного белья, экономное приобретение продуктов, поддержание здоровья всех членов семьи и т. д., причем подобные предписания доходили до абсурда.

Хотя образ жизни представительниц отдельных социальных слоев существенно различался, в целом британские женщины оставались юридически неполноценными гражданами своей страны: так, их права на наследство и владение имуществом были серьезно ограничены, процедура расторжения брака также предоставляла множество преимуществ мужчинам, в результате чего на протяжении XVIII-XIX вв. парламент удовлетворил иски лишь четырех англичанок, требовавших развода. Наконец, женщины не участвовали в парламентских выборах, в деятельности правительства. Любопытно, что сама королева Виктория была сторонницей подчиненного статуса женщин в семье и противостояла идее наделения последних политическими правами. Так, в 1846 г. в своем журнале она заметила: «Воистину, когда кто-либо настолько счастлив и благословен в своем домашнем кругу, как я, политика может быть только на втором месте». Образ идеальной женщины, заботливой жены и чуткой матери нашел отражение в многочисленной викторианской литературе (весьма показательным примером может служить образ Миссис Дешвуд в романе «Чувство и чувствительность»); протестантская этика также настаивала на необходимости ограничения свободы женщины, удел которой - рождение и воспитание детей. В связи с этим в викторианской Англии широко велись дискуссии о женщине и политике, женщине и образовании, женщине и семье

(актуальным становился вопрос «воспитания», «организатора совершенного дома и будущей матери крепких и красивых детей») и даже - женщине и спорте.

Представительницы аристократических кругов, в отличие от своих современниц из промышленного и коммерческого сословия, принимали более активное участие в общественной жизни, в том числе и в спортивных развлечениях.

Четкое разграничение гендерных ролей в викторианской Англии было канонизировано в многочисленных учебниках по этикету, где постулировалось, что мужчина «принадлежит обществу» и заботится вне дома о собственных делах и своей семье, а женщина «живет для домашнего быта», в связи с чем, центральным и определяющим событием в жизни каждой женщины является лишь рождение и воспитание детей незамужняя же девушка за пределами дома должна сопровождаться кем-то из родственников.

Занимаясь исследованием положения женщины в Англии XIX столетия, нельзя не рассмотреть подробнее игравшую важную роль лондонскую сезонную жизнь викторианских женщин (светские рауты, балы, вечера, выставки и т. д.), выстроенную по строго определенному образцу. Она состояла лишь из трех месяцев (с 1 мая до 1 августа), в продолжение которых дебютантка должна была успеть составить выгодную партию, или же вовсе отказаться от замужества. В том случае, если девушка была не привлекательна, она нуждалась в особом руководстве или самой матери, или чаще какой-либо покровительницы с обширными связями, которая и вводила молодую леди в сезонную лондонскую жизнь.

Для викторианской женщины не существовало проблемы выбора профессии, поскольку, в силу существующей гендерной асимметрии в английском обществе, профессия женщины - быть женщиной, тогда как занятия мужчин чаще всего удовлетворяли и их личные амбиции, и

общественные интересы. Для женщин работа означала, прежде всего, труд на благо других; работа же, в смысле развития личности, находилась в непосредственном конфликте с принципами подчинения и подавления, являвшимися неотъемлемыми атрибутами «идеала» женственности. Именно поэтому эгоцентризм как неотъемлемая составляющая писательского дела вызывал к этой профессии особое неприятие со стороны патриархально настроенной части общества.

Воспитание в викторианских девушках подчинения, скрытности и сдержанности негативно сказывалось на тех из них, кто стремился заниматься писательской деятельностью, поскольку викторианская мораль, требовавшая подавления собственных чувств и непосредственного контроля мысли, входила в противоречие с задачами художественной литературы, подразумевавшей открытое выражение внутреннего мира и переживаний.

По мере улучшения благосостояния высшего и среднего классов и увеличения городского влияния на сельских джентри, вопросом некоей социальной «гордости» стало правило, согласно которому молодые девушки должны были заниматься с гувернантками в классной комнате, а оттуда переходить в гостиную, как можно меньше времени уделяя домашней работе (так, леди в романах Дж. Остин, представительницы мелких джентри и высшей буржуазии, практически ничем не занимались, а лишь читали стихи, рассказывали местные сплетни и старались обратить на себя внимание джентльменов). Кроме того, леди не считали необходимым заниматься какими-либо физическими упражнениями, кроме танцев.

Женщинам высшего класса была чужда трудовая жизнь и ее интересы, что явилось результатом возрастающего богатства мужчин, в финансовой зависимости от которых они находились, и более искусственных условий современной жизни. И если ранее в самообеспечивающемся помещицком имении с его бесчисленными работами по дому и вне его леди из знатных семей имели свои обязанности, то теперь признаком леди становилась

праздность. Однако, и среди женщин состоятельных слоев было много тех, которые жили активной и полезной жизнью: одни - жизнью прежнего домашнего типа, другие - современной филантропической и духовной жизнью; в фальшивом же идеале «уединившейся» леди была реальная опасность для нового столетия - в снобистском обществе, подобном английскому, где низшие слои всегда стремятся подражать высшим, подобный идеал воспринимался и распространялся «сверху вниз», проникая в среду более мелкой буржуазии, становившейся все более многочисленной в новых предместьях городов.

Даже в сельских местностях жены богатых фермеров порицались за то, что вообразили себя леди, слишком изнеженными, чтобы работать. В XVIII столетии жена фермера всегда была очень занятой женщиной, имевшей многочисленные обязанности как по дому, так и на ферме: на молочных фермах, например, она не просто руководила работниками, но зачастую сама трудилась с ними над изготовлением масла или сыра (отметим, что молочное хозяйство, особенно в западных районах, снабжавших лондонский рынок, было наиболее трудным и наиболее выгодным занятием женщины). В начале же XIX в. домашние условия в больших огороженных фермах нового типа значительно изменились: увеличилось число наемных рабочих, в связи с чем крупные фермеры нанимали лучших домашних слуг, чтобы освободить жен от черной работы и придать дому вид, соответствующий «достоинству джентльмена». Дочери фермеров теперь, вместо ведения домашнего хозяйства, получали воспитание по аналогии с леди аристократических кругов (обучались и воспитывались в пансионах, учились танцевать, говорить по-французски и играть на клавикордах).

В XIX столетии, в связи с экономической необходимостью пополнения трудовых ресурсов, женщины становятся фабричными работницами, причем постепенно увеличивается оплата их труда и жизненные условия (чувство

собственного достоинства у трудящейся женщины, таким образом, получило более крепкую экономическую основу).

Естественно, что переход женщин к работе в фабричной системе не мог быть осуществлен немедленно. В начале XIX в. женщины, лишённые в связи с упадком домашней промышленности прежних средств к существованию, первоначально наряду с мужчинами принимали участие в полевых работах.

Хотя роль семьи в викторианской культуре весьма значительна, отнюдь не семейная женщина становится символом Англии. Действительно, викторианская Англия породила две главные фигуры, которые в концентрированном виде представляют понятие английского национального характера: англичанина аристократом с моноклем, зловещего вида капиталистом в цилиндре, либо старой девой. Образ последней являлся следствием серьезных социальных проблем, связанных с положением женщины в Англии. Проблема замужества для английской женщины стояла необыкновенно остро. Женщины и мужчины в этот период не могли открыто говорить о своих чувствах, не имели возможности до объявления помолвки остаться наедине, чтобы объясниться, не могли проявлять чувства в открытых ухаживаниях. Вся полнота драматизма ситуации с замужеством раскрывается в романе Д. Остин «Гордость и предубеждение», где на примере семьи, которой не посчастливилось иметь пять дочерей, да еще не обремененных приданным, демонстрируются практически все возможные варианты замужества. Наиболее реалистичным является вариант, который выбирает подруга главной героини Шарлотта, соглашаясь на брак, который даст ей «крышу над головой и приличное положение». Совершенно неприемлемым оказывается брак через побег, выбранный Лидией, связавшей свою жизнь еще и с недостойным человеком, Уикхемом. Желаемый и одобренный традицией вариант, правда не вполне правдоподобный при отсутствии средств в семье невесты, это брак второй дочери, Джейн, заключенный после долгих ухаживаний и переговоров. история главной героини, Элизабет, которая

вступает в брак по любви, да еще с человеком, намного выше ее по положению, это скорее мечта викторианской барышни, которая может быть реализована только в литературе. Результатом такого положения дел становится часто совершенно неправдоподобное изображение любовных отношений и самих женщин в викторианской литературе.

Образ Элизабет Беннет, которая способна на самостоятельное суждение, является носителем определенной системы взглядов, предъявляет свои требования к избраннику. Другие женские образы в произведении являются предметом авторской иронии, однако и они свидетельствуют о том, что в женском романе встречается гораздо более сложное воплощение женских типов с самого начала XIX века. Например, Шарлотта, решившаяся на рациональный брак по расчету, не подвергается однозначному осуждению и даже Лидия, нарушившая моральные нормы, не погибает, а обретает желаемую семью. В романах сестер Бронте появляется новый тип женщины сильной, резкой, с неоднозначной внешностью, с выраженным характером, которая не просто на многое идет ради женской самореализации в семейной жизни и любви, но и просто обязана это делать («Джейн Эйр» Шарлоты Бронте, «Грозовой перевал» Эмили Бронте).

Гораздо более социально типизированными являются сатирические женские образы, отличительной чертой которых является отсутствие красоты или молодости, что делает их приверженность добродетели избыточной и поэтому смешной. Одним из таких образов становится образ Мэри в «Гордости и предубеждении» Джейн Остин, чья излишняя приверженность к чтению книг расценивается в полном соответствии с канонами английского общества как отказ от своей женской сути и карается отсутствием мужа: «Мэри, единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и была рада себя показать»¹. Показательно, что

¹ Остин Дж. Гордость и предубеждение. М., 2014. С. 20.

здесь стремление к самоусовершенствованию рассматривается как повод для иронии. В этом же романе главная героиня, Элизабет вынуждена убеждать сестер мистера Бингли, что не испытывает чрезмерной тяги к чтению.

Таким образом, в литературе XIX века в процессе самоидентификации складывается представление о чертах английского национального характера. Идеал социального поведения (леди) постепенно трансформируется в образец национального поведения параллельно с размыванием социальных границ, свидетельством которого становится разрыв обязательной связи благородного происхождения и следования кодексу поведения «леди». Параллельно на основе социального стереотипа формируется стереотип национального поведения, отличающий англичанку от представительниц других наций.

На протяжении рассматриваемого периода, роль женщины и представления о ней менялись. В XIX веке идеализация женской добродетели обычно сочеталась с настойчивым требованием мужчин исключить женщин из значительной сферы общественной жизни и ограничить их частной сферой дома и семьи.

Образец женского поведения в Англии XVIII и XIX вв. был неразрывно связан с представлением о женщине как о хранительнице домашнего очага, что непосредственным образом отражалось на воспитании и манерах английской аристократки. Замужество оставалось нормативным институтом для женщин, независимо от того, к какому классу они принадлежали, а идея семьи организовывала жизнь большинства людей в английском обществе, поэтому вся система воспитания англичанок была нацелена на воспитание будущей жены и матери. В то же время на протяжении XVIII–XIX вв. стала проявляться заинтересованность английских женщин в событиях жизни социальной, выходящей за рамки только домашних проблем, начался процесс пробуждения женского сознания, что ярко демонстрирует стремление английских леди к самообразованию.

Заключение

В результате подготовки выпускного квалификационного исследования мы пришли к следующим выводам.

Брак — это свободный, равноправный союз женщины и мужчины, достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных законом, и имеющий целью создание семьи. Брачно-семейные отношения – это регулируемая обществом система отношений между двумя людьми, достигшими брачного возраста, порождающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям.

К середине XVIII века понятие семьи рассматривалось в трех основных аспектах, каждый из которых был наполнен собственными смыслами. Семья как союз, связанный кровно-брачными отношениями, - наиболее узкое определение, не требующее уточнений. В семье как домашнем хозяйстве, где в состав семьи входили не только родственники и лица, связанные брачными обстоятельствами, муж нес ответственность не только за жену и детей, но и проступки жены и слуг, так как считалось, что они действовали с его согласия и одобрения. Женщины, дети и слуги находились в подчиненном положении по отношению к мужчине, выполнявшему роль главы семейства. На долю мужчины приходилась роль главы семьи, общий контроль за деятельностью домохозяйства, управление имением, окончательное решение в случае крупных покупок, если глава дома по какой-то причине не мог исполнять свои обязанности, обычно его место занимал другой родственник мужского пола.

На протяжении долгого времени огромное влияние на развитие формы заключения брака оказывал протестантизм. С течением времени под воздействием социально-экономических процессов изменился и средний возраст вступления в брак.

Рассмотрев законодательство Англии в период Нового времени нами выявлены следующие факты эволюции брачных отношений и изменения в распределении семейных ролей.

Одной из первых предпосылок к изменению гражданского законодательства в части брачных отношений, явился Акт Хардвика принятый в 1753 г. (англ. Hardwicke Act), в котором были предприняты попытки установить единообразие обязательных процедур в церковном браке, а также определить его законность и правовые последствия.

В 1870 году парламент принял Акт «Об имуществе замужних женщин», акт определял заработанные женой во время брака своим трудом или отдельным промыслом денежные средства как ее отдельную собственность, которой она могла распоряжаться по своему усмотрению.

Основные изменения, направленные на совершенствование гражданского законодательства в области брачных отношений, а также ставшие отправными точками к уравниванию в правах мужчин и женщин, в Англии начали оформляться лишь во второй половине XIX века, начинается движение в сторону отхождения от многовековой традиции, которая ущемляла права женщин в браке и не признавала их прав на собственность.

Проанализировав тему эволюции взглядов на брак в Англии Нового времени нами получены следующие данные, демонстрирующие изменения в этом вопросе.

На протяжении XVII-XIX вв. у имевших достаточный доход слоев населения вырисовываются в основном два мотива, или отношения к браку, находившиеся в резкой конкуренции друг с другом: коммерческая основа брака и любовь или привязанность вступающих в брачный союз.

С течением времени изменились и представления о том, какую роль в деле устройства брачного союза играют родители и иные родственники, так с XVIII в. люди, имеющие финансовую независимость избирали партнеров сами, не ориентируясь на пожелания родственников, находящиеся на более

низкой ступени и люди, зависящие от вопроса получения наследства, продолжали исполнять традиционные заветы и ориентировались на пожелания родственников.

У англичан в XIX в. функционировало одновременно несколько видов заключения браков - гражданский и церковный. Изменились принципы при выборе партнера, поменялись роли мужчины и женщины в вопросе организации брачных отношений, но наряду с этим, низшие слои населения и обедневшая аристократия довольно часто отказывались от любви ради улучшения материального положения.

Новации в сфере брачно-семейных отношений за исследуемый период следующие: изменились принципы при выборе партнера, поменялись роли мужчины и женщины в вопросе организации брачных отношений, возможности развода, с течением времени наблюдается смягчение в области отношения к незаконнорожденным детям, оно изменилось с изначально негативного к приемлемому, а в аристократической среде, воспринималось как должное и носило наименование «модного порока».

Библиографический список источников и литературы

Источники

1. Бронте Ш. Джейн Эйр [Электронный ресурс]. - <http://lib.ru/INOOLD/BRONTE/janeair.txt>
2. Водовозова Е. Н. Жизнь европейских народов/ Е.Н. Водовозова.- СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. - 522 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
4. Голдсмит О. Векфильдский священник // Т. Смоллет. Путешествие Хамфри Клинкера. О. Голдсмит. Векфильдский священник. М.:Художественная литература, 1972. 256 с.
5. Диккенс Ч. Большие надежды/ Ч. Диккенс. - СПб.: Азбука, 2011. - 544 С.
6. Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения. В 3-х Тт. Т. 3. М., 1988. 607 с.
7. Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения: Перевод / Т. Р. Мальтус . – Петрозаводск : Петроком, 1993 . – 136 с.
8. Остин Дж. Гордость и предубеждение [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>
9. Остин Дж. Леди Сьюзен. Замок Лесли. Собрание писем. История Англии / Дж. Остин. – М.: АСТ, 2010. – 221 с.
10. Остин Дж. Нортенгерское аббатство [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>
11. Остин Дж. Чувство и чувствительность [Электронный ресурс]. - <http://OriginalBook.ru>
12. Честерфилд Ф.Д. Письма к сыну; Максимумы; Характеры/ Ф.Д. Честерфилд. – Ленинград: Наука, 1971. – 352 с.
13. An Act for granting to his Majesty a Stamp-duty on the Registry of Burials, Marriages, Births, and Christenings. [1783]: [Электронный ресурс] - <http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~framland/acts/stampduty1783.htm> [cited 13.04.2016.]

14. Blackstone W. Commentaries on the laws of England. In 2 vols. Vol. 1. Philadelphia, Lippincott, 1880. 480 p.
15. Blackstone W. The commentaries of sir William Blackstone, Knt. on the laws and constitution of England. L., 1796. 274 p.
16. Bletchley Diary of the Rev. William Cole. L., 1931.
17. Boswell J. The Journals of James Boswell 1762 - 1795. New Heaven, L., 1991.
18. Burn J. S. The Fleet Registers. L., 1833.
19. Cobbett W. The Parliamentary History of England from the earliest period to the year 1803. L., 1813. Vol. 15. P. 6-11, 50.
20. Connell K. H. Irish Peasant Society. Oxford, 1968.
21. Johnson's Dictionary of the English language in miniature. With an alphabetical account of the heathen gods and goddesses and a list of the cities, boroughs, and market towns, in England and Wales. L., 1820.
22. Luttrell N. A Brief Relation of State Affairs. Oxford, 1857. Vol. 6. Memoirs of the Verney Family.
23. Memoirs of Sir Philip Francis. L., 1867.
24. Montagu M.W. The complete letters of Lady Mary Wortley Montagu. Vol. 1.
25. Proceedings of the Society of Antiquaries of Newcastle-upon-Tyne. 1904. Vol. 1. Ser. 3.
26. The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. P. 2.
27. Rogers T. The Economic Interpretation of History. L., 1888.
28. Walpole H. Horace Walpole's Correspondence. Vol. 39.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке/ Ф. Арьес. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. — 416 с.
2. Галифакс Д. Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери // Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке.- СПб., 2001. 214 с.
3. Дженкс Э. Английское право / Пер. с англ. Л.А. Лунц; предисл.: Исаев М.И., Лунц Л.А. М.: Юрид. изд-во М. СССР, 1947. 378 с.

4. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. М., 1982. 206 с.
5. Ерофеева Н.Е., Тимошенко Ю.В. «Женский мир» Джейн Остен // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск, Новосибирск, 2008. Вып. XIX. С. 133.
6. Загорский А.И. Курс семейного права / А.И. Загорский - М.: Юрист, 2007.- 548 с.
7. Имущественные права замужних женщин в Англии по закону 1870 года. Юридический вестник. Ноябрь. Издание Московского юридического общества. Кн. 8. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1871. С. 39-46.
8. Коути Е. Недобрая старая Англия [Электронный ресурс]. - http://bookz.ru/authors/ekaterina-kouti/nedobraa_679/1-nedobraa_679.html .
9. Любарт, М. К. Семья во французском обществе: XVIII-начало XX века / М.К. Любарт ; отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М.: Наука, 2005. – 296с.
10. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. - Петрозаводск, 1993. - 347 с.
11. Моруа А. Ариэль, или Жизнь Шелли: романизованная биография. М., 2011. С. 69.
12. Муравьева М.Г. Лорд или джентльмен: к эволюции английских маскулинностей в раннее Новое время // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и тендерная история. М., 2003. С. 109 - 111.
13. Романовская В.Б., Смирнов Е.Р. Словарь-справочник по истории государства и права зарубежных стран/ В.Б. Романовская, Е.Р. Смирнов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – 140 с.
14. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 2/Под ред. Г. Н. Джигладзе; Сост. А. Н. Джуринский.— М.: Педагогика, 1981.—336с.
15. Садыхова Л.Г. Маски женственности в английской культуре // XVIII век: женское/мужское в культуре эпохи. / Под редакцией Н. Т. Пахсарьян. М.: Экон-Информ, 2008. — 536 с.
16. Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI - начала XVII вв. //

Адам и Ева. Альманах тендерной истории. № 12. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. — 332 с.

17. Туманов А.Г. Повседневная жизнь викторианской Англии в оценке Российских современников// Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2010. Кн. 3, ч. 1., С. 186-193.

18. Уоллер М. Лондон, 1700 год : пер. с англ. / М. Уоллер. - Смоленск: Русич, 2003. - 384 с.

19. Ферпосон А.Б. А.Б. Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма / Пер. с англ., предисл. М.Г. Муравьевой. СПб.: Евразия, 2004. -352с.

20. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса: Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 511 с.

21. Хазова О.А. Брак и развод в английском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 21 с.

22. Шервуд Е.А. Англичане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М.: Наука, 1990. - 72 с.

23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1893. Т. 18. [Электронный ресурс]: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10149/#page/39/mode/1up>

24. Юссен Б. Родство искусственное или естественное? Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени). М., 2000. С. 89.

25. Alleman G. E. Matrimonial Law and the Materials of Restoration Comedy. Wallingford, 1942.

26. Anderson O. State, Civil Society and Separation in Victorian Marriage // Past and Present. Oxford, 1999. № 163.

27. Banks J. A. Prosperity and Parenthood. L., 1954.

28. Bossy J. The Counter-Reformation an the People of Catholic Europe // Past and Present. A journal of scientific history. Kendal, 1970. Vol. 47.

29. Brown R.L. The Rise and Fall of the Fleet Marriages // Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage. N.Y., 1982

30. Burney F. *Evelina; or, the History of a Young Lady's Introduction to the World*. [Электронный ресурс]: <http://homlib.com/read/burney-f/evelina-or-the-history-of-a-young-ladys-entrance-into-the-world/1>
31. Fredman S. *Women and the Law*. Oxford University Press. 1997.
32. George M. D. *London Life in the Eighteenth Century*. L., 1925. 301 P.
33. Helmholtz R. H. *Marriage Litigation in Medieval England*. Cambridge (Mass.), 1974.
34. Shanley M.L. *Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England. 1850-1895*. Princeton, 1989.
35. Staves S. *Married Women's Separate Property in England, 1660 - 1833*. Cambridge, Massachusetts, L., 1990.
36. Stock Ph. *Better than Rubies. A History of Women's Education*. N.Y., 1978.
37. Stone L., Fawtier Stone J.C. *An open elite? England 1540 - 1880*. Oxford, 1984.
38. *The Game of Hearths: Harriette Wilson's Memoirs*. N. Y., 1955.